

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Евения
Горская

ЖЕНА ЦЕЗАРЯ
ВНЕ ПОДОЗРЕНИЙ

ЭКМО

Евгения Горская
Жена Цезаря вне подозрений

«ЭКСМО»

2013

Горская Е.

Жена Цезаря вне подозрений / Е. Горская — «Эксмо», 2013

Светлана давно мечтала выйти замуж за Виктора Кузьменко, своего любовника и по совместительству шефа. Вроде бы ничего не мешало их счастью: она одинока, Виктор – состоятельный вдовец. Однако у Светланы появился загадочный враг, всеми силами стремящийся не допустить свадьбы: она чувствовала, что за каждым ее шагом следят, пытаются найти компромат. А когда разрушить ее роман с Виктором не удалось, девушку попытались отравить, добавив яд в бутылку мартини... Света решила присмотреться к семье жениха и узнала много интересного: сын Виктора изменяет жене Лизе, но давно уже тяготеет любовницей, а Лиза следит за мужем и явно что-то замышляет... Но какое отношение все это имеет к ней, Светлане?

© Горская Е., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Татьяна Устинова	5
Среда, 21 апреля	6
Четверг, 22 апреля	12
Пятница, 23 апреля	26
Понедельник, 26 апреля	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Евгения Горская Жена Цезаря вне подозрений

Татьяна Устинова

Кажется, что книга написана специально для меня

С каких-то пор считается, что все, что можно было придумать, уже написано – особенно на ниве детектива. Сюжеты одинаково сложны, как четырехмерный куб в римановом пространстве, герои отточенно-расчетливы, будто аллигаторы в бассейне реки Конго, а все линии драматически выверены.

Не верю ни единому слову!

Все потому, что я совсем недавно прочитала детектив «Жена Цезаря вне подозрений» Евгении Горской. Захватывающая, увлекательная, совершенно новая, но тем не менее простая история про людей с их очевидным желанием жить без проблем и не менее очевидными проблемами, которые есть у всех. Никаких крокодилов и четырехмерных кубов. Иногда возьмешься за книгу и думаешь: вот про кого это? И вроде бы ясно, что писалось тоже про людей, только небывальщина какая-то выходит. Причем не яркая и жизнеутверждающая – такую я как раз люблю, – а мрачная и неприятная. Не имеющая никакого соприкосновения с нашим миром. С тем, который огромен и прекрасен!

У Евгении получилось не только интересно и зажигательно, но еще и очень по-настоящему – ровно настолько, чтобы мне захотелось поверить в эту историю. Горская в своей книге «Жена Цезаря вне подозрений» ловко и умеючи держит читателя в напряжении: тебе иногда страшно, иногда смешно, иногда будто бы совсем безнадежно, но в конечном итоге понимаешь: все будет хорошо!

Кажется, что эта книга написана специально для меня. Потому что в детективе я – как, наверное, и все – предпочитаю вкусно описанную весеннюю дачную жизнь с шашлыками, гостями и собаками математической точности сюжета и верности сценических решений. Главное, чтобы интрига была поголовомнее, а объяснялось все попроще!

В книге Евгении Горской мотивы абсолютно ясные, ходы достаточно запутанные, а три девахи-героини совершенно разные. И поступают они – героини то есть – в полном соответствии со своими характерами, в каких бы головокружительных и сложных обстоятельствах они ни оказывались. Зато мечты у них одинаковые – о светлой и защищенной семейной жизни, – что мне тоже очень близко и понятно.

Бутылка мартини, приготовленная к весеннему пикнику на даче Светланы, оказывается отравленной – о, ужас! Кто мог это сделать?! И вообще, что это за бутылка, откуда она взялась? Героини начинают разбираться в произошедшем – как умеют, но только еще больше запутываются в своих чувствах и серьезно ошибаются в выводах. На Светлану нападают в подъезде – она лишь чудом остается жива, а в Милу стреляют. Теперь девушкам приходится сражаться не только за себя, но и за свою любовь, действовать то вместе, то поодиночке, подчас не догадываясь обо всех подстерегающих опасностях и скрытых угрозах.

Никто не способен помочь трем давним подругам разобраться в происходящем. Они сами, в своем собственном прошлом, должны отыскать ответы на вопросы жизни и смерти. И в этих поисках им можно рассчитывать только на себя – на свою храбрость, ловкость и сообразительность. Но времени в обрез.

Потому что злодей ведет свою собственную темную игру. Он настолько близко, что его почти невозможно разглядеть. Ведь жена Цезаря вне подозрений.

Среда, 21 апреля

Щенок увязался за ними от домика сторожа.

– Иди домой, маленький, – уговаривала его Лера. – Иди домой, к маме. Нам даже угостить тебя нечем. Молочка мы не привезли, чем кормить бедного песика?

– Колбасой, – подсказала Мила. – Колбасу же привезли. Отстань от него, Лер, пусть идет, куда хочет. Вечером назад пойдем, сдадим Арсену с рук на руки.

Арсен, сторож дачного поселка, пригревал всех окрестных собак и ходил всегда в сопровождении целой стаи. Собаки были разные, ласковые и злые, большие и маленькие. Летом Арсен выпускал собак только ночью, а днем запирали в большом вольере. Лето еще не наступило, но собаки были заперты, когда подружки прошли через приоткрытые ворота. Только маленький веселый лохматый щенок играл со щепкой возле левой створки и сразу увязался за ними, причем главным образом – за Лерой, словно выбрав ее в хозяйки.

– Ладно, пошли, – сдалась Лера.

Вчера дачная подружка Мила позвонила ей и неожиданно предложила:

– Давай на дачу съездим, а?

День был неудачным – в подготовленном к сдаче проекте вдруг нашлись ошибки, а Лера только утром заверила генерального, что соберет проект скоро, если не на этой неделе, то на будущей уж точно. Но ей вдруг захотелось на дачу – в гамак, на слабое апрельское солнышко... и она сразу согласилась:

– Давай. Прямо завтра.

– А как же ты с работой? – удивилась Мила. Самой-то ей было все равно, когда ехать. Мила давно нигде не работала.

– Черт с ней, с работой. Отгул возьму, – решила Лера.

Такого теплого апреля, как в этом году, не было много лет. За городом оказалось настолько здорово, что не слишком сильные угрызения совести – все-таки она не была твердо уверена, что за десять дней сможет выловить все ошибки в проекте, – окончательно улетучились. Успеет, а если не успеет, потом доделает, ничего страшного.

– Ты не представляешь, как мне жалко, что мы участок продали, – вздохнула Мила. – Когда папа коттедж строить решил и другой кусок земли купил, мне казалось, что сюда уже никогда не потянет. А оказалось, все наоборот – туда ездить не хочется.

– Не жалей, – успокоила Лера. – Сейчас у тебя настоящий загородный дом и надел почти в гектар. А здесь что? Скворечники.

– Ну не такие уж скворечники, – не согласилась подружка. – Смотри, почти у всех новые дома.

– Это верно. Но с твоим теперешним не сравнить.

– Все равно сюда тянет.

– Ко мне приезжай, – пожалала плечами Лера, достала ключи и щелкнула замком на калитке. – Вперед! Правда, приезжай, Мил, я тебе всегда рада, ты же знаешь.

Лера отперла входную дверь, и подружки вошли в маленький старый домик. Щенок, который, оказывается, неотступно следовал за ними, начал утомительно карабкаться по ступеням крыльца. Лера прошла по двум крошечным комнатам – вроде бы все на месте, никто зимой в дом не залезал. Раньше дачи обворовывали постоянно, но с приходом нового сторожа кражи прекратились. Видимо, собаки Арсения хлеб свой ели не зря.

– Эй, ты что делаешь? – Лера распахнула окна, чтобы проветрить помещение, и, оглянувшись, увидела, как под присевшим щенком на полу растекается лужа. – Безобразник какой! Плохая собака!

Взяла вилявшего хвостом кутенка за шкурку и вынесла оказавшееся совсем невесомым тельце на крыльцо. Затем захлопнула дверь.

Но, как выяснилось, отделаться от собачки не так-то просто. Через пять минут жалобный писк перешел в настоящий скулеж, и подругам ничего не оставалось, как устроиться с нехитрой едой под яблоней. Впрочем, это было даже к лучшему: сидеть в плетеных креслах около небольшого столика было намного приятней, чем в сыром после недавней зимы доме.

– Жаль, выпить не захватили, – вздохнула Мила.

– Жаль.

– Как у тебя с диссертацией? – неожиданно вспомнила подруга.

– Никак. Не порть настроение.

Лера в прошлом году окончила аспирантуру, сделав к тому времени большую часть диссертационной работы. Все собиралась доделать работу, что называется, собрать диссертацию, дописать недостающие главы и защититься наконец. Но не было то времени, то настроения, то того и другого вместе.

Ветра почти не было, и сидеть на солнышке оказалось так приятно. Шевелиться лень, жалко только, что нельзя лечь на еще холодную землю.

– Пикничок? – неожиданно появилась из-за дома Светлана, еще одна давняя подруга. В детстве они трое были неразлучны. – А меня почему не позвали?

Щенок, притихший, привалившись к Лериной ноге, неожиданно смешно и грозно залаял.

– Фу, глупая собака! Перестань! – Лера почесала пушистую башку, непонятно чему улыбувшись. Взять песика с собой, что ли? Но с ним же гулять нужно, а она целый день на работе.

– Мы заранее не планировали, – лениво объяснила Мила, – случайно получилось.

Со Светой она с некоторых пор часто разговаривала лениво, словно нехотя. Вроде бы и вежливо, но вместе с тем как бы свысока, хотя причин для этого не было. Светлана из них троих добилась наибольшего успеха, занимала должность заместителя директора фармацевтической фирмы.

– Как дела? Когда свадьба? – Света улыбалась, насмешливо глядя на развалившуюся в кресле Леру.

Вопрос адресовался ей, Мила-то давно была замужем, и метко бил по больному месту.

– А твоя? – всегда вежливая Мила в последнее время и правда выносила подругу с трудом. Да и Лера тоже.

– Моя состоится, когда я захочу, – весело засмеялась Света.

– Очень рады за тебя. У тебя все?

– Да ладно вам. Я же шучу.

Мила хотела еще что-то сказать, но Лера перебила:

– А ты что вдруг в будний день приехала, Свет?

– Захотелось. Погода хорошая. Если вам можно, почему мне нельзя?

– Хочешь, возьми кресло на веранде, – предложила Лера. Приглашать Свету не хотелось, но и не пригласить было нельзя.

Та, оглядев столик с нарезанными овощами и хлебом, спросила:

– Может, выпивку принести?

– Неси, – разрешила Мила. И после того как Света, повесив маленькую сумочку, захваченную неизвестно для какой надобности, на ветку яблони, скрылась за углом дома, обронила: – Господи, как же мы ее раньше выносили?

Сумочка с замком-защелкой оказалась открытой, виднелись упаковки каких-то лекарств. Лера, вздохнув, поднялась защелкнуть замок.

– Раньше она такой не была.

– Да ладно! Всегда была стервой. Где она, там обязательно какая-нибудь склока. Не смей! – прикрикнула она, видя, что подруга собирается принести для Светланы плетеное кресло. – Ты ей что, швейцар? Сама притащит, не развалится.

– Да ну, Мил, неудобно...

Лера все-таки приволокла третье кресло. Щенок не отходил от нее ни на шаг, путался под ногами, и опять Лере хотелось улыбаться, глядя на неуклюжий пушистый комочек. Взять, что ли, действительно в Москву? Хм, только собаки ей не хватает для полного счастья...

– Вот, – подоспевшая Света поставила на столик бутылку мартини.

– Господи, какая бутылка несчастливая! – ахнула Лера. – Мил, смотри, это же та, которую я тебе тогда под Новый год привезла. Как к Свете-то попала?

Мартини Лере привезли из-за границы родители, уже шестой год живущие в Америке. Лера мартини любила и Саше выпить его не дала, прихватила с собой под Новый год, идя к Миле. Но оказалось, что у Милы имелась открытая бутылка любимого напитка. Вторую открывать было глупо, и они допили Милину.

– Откуда ты знаешь, что мартини тот же самый? – удивилась Мила, разглядывая бутылку.

– Вот, видишь полоску на этикетке? Это я случайно фломастером задела, а получилось, будто вместо луны множество. И аккуратно так, даже не скажешь, что не специально нарисовала.

Луна на звездном небе, изображенная на этикетке, действительно представляла собой математический знак множества – перечеркнутый кружок.

– А ее у Милы выпросила, – засмеялась Светлана.

Это было правдой. Света заехала перед самым Новым годом, подарила Миле флакон духов, в ответ получила равноценный флакон, заметила злополучную бутылку и начала пристально разглядывать.

– Обожаю мартини, – замурлыкала Света. В присутствии мужчин она всегда, как правило, мурлыкала, а тогда рядом то появлялся, то исчезал Милин муж Константин Олегович.

Он опять куда-то вышел, а Светлана все рассматривала бутылку.

– Подари, а? В довесок к духам.

Миле не хотелось отдавать вино, оставленное для нее Лерой. Но и отказать в такой ситуации было невозможно, вот и кивнула, произнеся единственно возможное:

– Бери.

– Ты что, подарила подруге мартини? – удивился Костя, когда за той закрылась дверь. Он видел, как Светлана сунула бутылку в сумку. – Странный подарок для женщины, не находишь?

– Нахожу, – мрачно согласилась Мила. – Однако не вырывать же у нее из рук.

Ей тогда действительно было почему-то жалко вино, которое, в общем-то, можно купить в любом супермаркете. Сейчас тот мартини не хотелось пить, но что поделать, отказать вроде неудобно.

– Ладно, – Мила поставила бутылку на стол, – давайте выпьем.

Лера отправилась в дом за рюмками, щенок за ней следом. Светлана, глядя им вслед, усмехнулась:

– Похудела Лерка, джинсы прямо болтаются. Переживает, что Сашка на ней не женится? Или диссертацию все пишет? Пора бы уж и дописать.

– Свет, – Мила откинулась в шатком креслице, заложив руки за голову, – ты, если новая работа будет нужна, опять к Лере придешь?

В фирму, где Светлана так успешно сделала карьеру, ее устроил когда-то Лерин отец.

– Не приду, – снова усмехнулась Света. – Теперь я сама кого хочешь устрою. Или замуж выйду и брошу работать, как ты.

Миле не хотелось смотреть на веселую подругу, и она стала разглядывать корявые ветви над головой.

Светлана из них троих была самой красивой. Очень красивой, как фотомоделю. В юности Миле хотелось быть такой же: стройной голубоглазой блондинкой с прямыми волосами до плеч. Свою почти черную кудрявую шевелюру она тогда ненавидела. Однажды даже решила осветлить ее. Но получилось такое уродство, что перекрашиваться пришлось сразу же, немедленно. И фигуру свою полную Мила тогда не любила, сердилась, когда мама смеялась над ее попытками похудеть и уверяла, что иметь настоящие женские формы – счастье. Сейчас Мила цену своей фигуре знала: не могла не замечать приятно радующих мужских взглядов.

Теперь-то Светлана красивой не казалась. Мила даже специально покосилась на подругу: обычная девица, непонятно даже, чего они тогда ею восхищались.

– Рюмки не нашла, – подошедшая Лера поставила на стол маленькие чашечки. – Не помню, куда сунула, когда дом на зиму заперли.

– Да ладно, девки, сойдет, – Света щедро плеснула мартини в кофейные чашки.

Щенок терся об ноги, как кот, и Лера не выдержала, взяла его на руки. Нет, нельзя его в Москву брать: когда она будет с ним гулять, если уходит в полвосьмого, а возвращается домой в семь?

Такой прыти от неуклюжей собачонки никто не ожидал. А та мгновенно, как по волшебству, очутилась на шатком столе, фыркая, хлебнула мартини из Лериной чашки, схватила ненарезанный батон колбасы и кубарем, через Лерины колени, скатилась на землю. Все, что стояло на столе – тарелки с огурцами, помидорами и красным болгарским перцем, хлеб, яблоки, аккуратно нарезанный сыр, – разлетелось в разные стороны. И чашки с вином упали, и бутылка. Можно было только удивляться, как удалось устроить такой погром такому маленькому, совсем крохотному щенку.

Возмущенные крики обрушились на счастливого кутенка с трех сторон, но он не понял, что его ругают, тряс головой, зажав в мелких зубах вкусную колбасу, и прытко отбежал. Наконец Лера его поймала, подхватила на руки и вырвала колбасу.

– Ах ты, паршивец! Ах ты, плохая собака! – Не успела она отстраниться, как щенок лизнул ее в нос. – Ну что за наказание такое!

Лера опустила щенка на землю и погладила по лохматой голове.

– Ну не могу я тебя взять, не могу. С тобой гулять надо, а я работаю целый день. Да еще дважды в год в Америку езжу, у меня там мама и папа. Куда я тебя дену? А Саша работает сменами, по двенадцать часов, вообще гулять с тобой не сможет. Шел бы ты домой, назад к дяде Арсену.

– Девочки, а мартини-то остался, – удивилась Света, поднимая с земли бутылку. – Посуду вымоем, и можно продолжить. Только ты своего кобеля в следующий раз придерживай.

– Придержу, – пообещала Лера.

Посуду мыли долго: сначала вода в кране пропала, потом пошла, но ржавая, и пришлось ждать, когда стечет ржавчина. Затем снова нарезали овощи и хлеб. И только когда вновь расселись за столом под яблонями, Лера спохватилась, что «кобеля» давно не слышно. И тут же, испугавшись, что щенок убежал, поняла, что непременно возьмет его с собой, не сможет здесь оставить.

Она поозиралась по сторонам, заглянула под стол и не сразу сообразила, что неподвижно вытянувшееся тельце, около головы которого растеклась небольшая дурно пахнущая лужица, собака. Тот самый песик, которого она не хотела брать в Москву и знала, что возьмет.

– Лер, ты что? – удивилась Мила, увидев остановившиеся глаза подруги.

– Принеси простыню из шкафа.

Мила присела рядом. Она тоже не сразу поняла, что произошло, а когда поняла, не могла решить, кого ей больше жалко, надоедавшего всем щенка, без которого сразу стало пусто, или Леру, так неожиданно и страшно потерявшую только что найденного маленького друга.

– Лерочка, я куплю тебе собаку, хочешь?

– Принеси простыню.

– Да что случилось-то? – наклонилась над ними Света. И через минуту прошептала: – Меня хотели убить... Господи, меня хотели убить!

Мила принесла не только первую попавшуюся простыню из шкафа, но захватила еще и две лопаты, хранившиеся в покосившемся сарае.

– Меня хотели убить! – все причитала Светлана. – Вы что, не понимаете? Нужно звонить в полицию.

– Звони, – равнодушно бросила Мила. – Звони. Мы что, тебе мешаем?

– Свет, ну неужели ты думаешь, что они станут этим заниматься? – устало спросила Лера. – Арсену сообщим, когда домой пойдем.

Светлана хотела что-то сказать, но Лера перебила:

– Под березами похороним.

– Да, Лерочка, – кивнула Мила.

– Вы что, с ума спятили? Меня хотели убить! Вам все равно, да?

– Почему тебя? – Лера завернула крошечное тельце в простыню и поднялась на ноги. – Почему не меня? Не Милу? С чего ты вообще взяла, что кого-то хотели убить?

– Яд мог быть или в колбасе, или в мартини. – Света смотрела на Леру, чуть не плача. – Больше песик ничего не трогал. Колбасу мы сами ели, значит, отравили мартини.

«Мы даже не догадались его покормить, – подумала Лера. – Щенок терся о мои ноги, а я боялась, что он испачкает мне джинсы». Лера тупо посмотрела на свой облезлый полутораэтажный домик и не к месту отметила про себя, что его необходимо покрасить.

– Господи, отравить хотели меня! Меня! – не успокаивалась Света.

– Кого и как хотели отравить, мы выясним, – пообещала Лера. – Мартини я отнесу нашим химикам, они разберутся.

– Тебе хорошо говорить, ты знаешь, что...

– Что никому гадостей не делала, – подсказала Мила.

– Хватит! – Лера подняла завернутое в простыню тельце. – Пойдем, Мил.

На круглой поляне у самого леса стоял чей-то грязный джип, и копать пришлось в стороне, почти у дорожки, по которой подруги обычно ходили на пруд купаться. Копать было тяжело, земля представляла собой переплетенную путаницу корней. В июне здесь все покрывалось одуванчиками, потом еще какой-то травой, а позже, уже в августе, вереском. Лера несколько раз пыталась пересадить вереск в горшок, но он не приживался, и перед Новым годом приходилось выбрасывать засохшее растение.

* * *

Корзина у Воронина была большая, а грибов он нашел мало, даже дно не прикрыл. Осенью заполнил бы корзину желтеющими листьями, а сейчас класть в нее нечего, разве что еловые лапы. Но срезать колючие ветки было лень, и он так и вышел из леса с пустой корзиной. Уже перед самым дачным поселком остановился, пересчитал грибы: всего восемь. Курам на смех. Самым правильным было бы выбросить скудную добычу, но он не стал – жалко. Три гриба большие, похожие на клубни картошки, а остальные – маленькие и вытянутые. Какие-то назывались сморчками, какие-то строчками, Воронин всегда путал весенние грибы.

Он почти дошел до оставленной на опушке машины, когда увидел трех девиц с лопатами. Первой мыслью было спрятать корзину за спину, чтобы не срамиться, но делать этого не стал. Девушки на него внимания не обращали, били по земле лопатами, вроде пытались яму вырыть. Воронин бы тоже не обратил на них внимания, если бы не увидел лежащий на траве продолговатый сверток. Мгновенно подобравшись, даже легкая усталость от хождения по пустому лесу исчезла, он поставил корзину на влажную землю и, слегка отодвинув одну из копавших,

откинул испачканную землей ткань. Оказывается, девицы пытаются зарыть мертвую собаку, а ему уж подумалось... невесть что.

Теперь троица выжидающе смотрела на него. Девицы были хороши, каждая в своем стиле. Блондинке хоть сейчас позировать для мужского журнала. Вторая, с волосами потемнее, чем у блондинки, была в солнечных очках, и глаз ее он не видел. А вот у брюнетки глаза оказались сказочными, очень большими и темными, и почему-то вызвали в памяти полузабытые слова: «тиха украинская ночь».

– Как же это? – тупо спросил Воронин у всех троих, но только блондинка отреагировала:

– Помогли бы яму выкопать.

Сказала это зло, но смотрела на него совсем не зло, с явным интересом.

Воронин видел, девица решает, не добавить ли еще что-то, но дожидаться не стал, взял у темноволосой лопату и принялся копать, углубляя начатую яму.

Троица стояла, окружив его, и он буркнул:

– Отойдите, вы мне мешаете.

Девушки послушно отошли, продолжая молча смотреть на него.

Аккуратно уложив сверток в вырытую яму, Воронин засыпал могилку землей, воткнул рядом лопату. А подруги стояли все так же молча, только блондинка переминалась с ноги на ногу.

Нужно было уезжать, но он почему-то медлил. Наконец предложил:

– Давайте я вас в Москву отвезу.

– Спасибо, отвезите, – повернулась к нему брюнетка с глазами «тихой украинской ночи».

Голос у нее оказался очень красивым, каким-то бархатистым. – Только нам собраться нужно. Минут двадцать подождете?

Воронин кивнул.

– Пойдем, Лерочка, – обняла она русоволосую подругу за плечи.

Та сняла очки и грязными руками вытерла глаза. Глаза у нее оказались заплаканными, и Воронин понял, что собака была ее. Потом девушка посмотрела на него, и тогда он окончательно решил, что блондинка в этой компании явно проигрывает – глаза у русоволосой были необычные, миндалевидные и все понимающие, как у мадонны.

Четверг, 22 апреля

Мила проснулась совсем рано. Украдкой, стараясь не разбудить Костю, посмотрела на часы – половина шестого. И вставать рано, и заснуть вряд ли получится. Постаралась прогнать неприятный осадок, оставшийся от вчерашнего вечера, и стала строить планы на предстоящий день, но удавалось это плохо.

Вчера Костя пришел поздно, Мила даже начала волноваться. Она могла бы позвонить ему на мобильный, но обычно ее звонки вызывали у мужа недовольство, тот считал, что в рабочее время о жене следует забывать. Недовольство было совсем легким, почти незаметным, но Мила его отмечала и старалась лишней раз супруга не тревожить.

– Как отдохнули? – Сняв плащ и повесив его на вешалку, муж слегка прижал ее к себе и поцеловал в волосы. Он очень устал, и ему совсем не хотелось разговаривать.

– Отлично. – Только что ей хотелось рассказать про их сегодняшние приключения, а сейчас желание говорить отчего-то пропало. – Ты что так поздно?

– Дела... – Костя потрепал ее по затылку, как днем Лера приبلудного щенка.

– Светка тоже приехала, как будто знала, что мы на даче.

– Знала, – кивнул он, прошел в ванную и начал тщательно мыть руки под краном. – Я ей сказал.

– Когда? – удивилась Мила. – Мы же только вчера договорились с Лерой.

– Вчера и сказал. – Константин вымыл руки и теперь так же тщательно их вытирал. – Она позвонила вечером, когда ты за продуктами выходила.

– А зачем? Зачем ты ей сказал? Знаешь ведь, что я ее терпеть не могу. И Лера тоже.

– Света позвонила, спросила, не собираешься ли ты на дачу, и я ответил, что собираешься, причем завтра. А что я должен был сказать, по-твоему? – отодвигая жену, потому что та мешала ему выйти из ванной, устало произнес Костя. Ему хотелось побыть одному, и, как это иногда случалось, он пожалел, что женат. – К тому же Света ничуть не хуже твоей Леры. Нормальная девушка, не понимаю, что вы к ней цепляетесь.

Муж произнес это равнодушно, было очевидно, что ему безразличны ее подруги и ее отношение к ним. Так было всегда, но сейчас у Милы от обиды сжалось сердце. Ей казалось, что она имеет право сама решать, с кем ей проводить время. А еще ей казалось, что муж должен если не уважать мнение жены, то, по крайней мере, не пренебрегать им столь откровенно. Тем более что лично его это совсем не касалось.

Мила молча подавала на стол ужин. Она так давно привыкла считать себя счастливой, что впервые за все время замужества появившаяся мысль – а в самом ли деле она счастлива? – показалась настолько пугающей, что молодая женщина сразу как будто замерзла в теплой квартире. «Я перенервничала, – успокоила себя Мила. – Мне просто жалко Леру, вот я и готова злиться на Костю».

Но сейчас, лежа в постели без сна, Мила вдруг поняла, что Костя вчера был не просто уставший. Его раздражала она, Мила.

* * *

Воронин отлично знал, что ехать к дому брюнетки Милы ему незачем. Прежде всего потому, что та замужем, он заметил вчера обручальное кольцо на ее пальце. С замужними женщинами Воронин предпочитал дела не иметь – не любил вранья. Конечно, его самого никто и никого обманывать не заставлял, однако участие в том, что обязательно должно вызывать ложь, было ему неприятно. Вот и старался с замужними не встречаться. Незамужних же попросту

боялся, потому что жениться не хотел, а все незамужние женщины хотят замуж. Тем не менее любовные связи постоянно случались в его жизни, и, как правило, не по его инициативе, что его абсолютно устраивало. Связи эти Воронин старался не затягивать, ему было неловко перед женщинами, с которыми он категорически не хотел связывать свою судьбу.

И вот сейчас он и сам не понимал, почему его так тянет к дому в старых Сокольниках.

Вчера девицы к его машине вернулись вдвоем: блондинка уехала на своей собственной. В дороге они говорили мало, брюнетка спрашивала иногда что-то у подруги Леры, та отвечала односложно. Лера все вытирала слезы, катившиеся из-под очков, и Воронин старался на нее не смотреть, хотя в зеркале было видно ее, а не темноволосую подругу, на которую ему как раз очень хотелось посмотреть.

Лера молча вытирала слезы, и Воронин почему-то подумал, что плачет девушка не только из-за собаки. Когда Лера вышла возле «Красносельской», брюнетка села рядом с ним, на переднее сиденье.

– Как вас зовут? – покосился он на нее.

– Людмила.

Воронин не удивился. Имя ей поразительно шло, недаром ему вспомнились пушкинские строки. Конечно, Людмила. Как же иначе?

Хотелось спросить, кто она, в смысле, кем работает, или еще что-нибудь про нее, но с языка слетела другая фраза:

– Люда, ваша подруга очень любила собаку?

Девушка поморщилась и поправила:

– Мила. Меня все зовут Милой.

– Роман. Воронин.

Про щенка Миле говорить не хотелось, и она спросила:

– А вы кто по профессии, Роман?

– Военный инженер.

Это ее отчего-то заинтересовало. Мила даже повернулась к нему, а раньше смотрела вперед, на дорогу.

– Я инженер, – пояснил он, – только в погонах.

– А погоны у вас какие? – Она так смешно его разглядывала, как будто он оказался пришельцем с Альтаира, а не обычным военным.

– Полковничьи.

Мила улыбнулась отчего-то и попросила:

– Здесь налево.

Ехать оказалось всего ничего, в Сокольники. Возле своего дома Мила пыталась сунуть ему деньги, но Воронин отказался, естественно, и даже обиделся. Девушка как-то сразу поняла, что он обиделся, и засмушалась. Торопливо кивнула ему и заспешила к подъезду.

Отчего-то отъехал Роман не сразу, какое-то время пялился в окно, пытался вспомнить продолжение, какие там слова дальше после «тихой украинской ночи». Не вспомнил.

Воронин все же доехал зачем-то до дома Милы и постоял у подъезда. Ее не увидел, конечно. И даже вроде бы испытал облегчение – женщина она просто роскошная, одна фигура чего стоит, да только вряд ли ее прельстит роман с каким-то там военным инженером. Не стоит и пытаться. Да и ни к чему.

Он не сразу понял, что, помимо облегчения, почувствовал заметную досаду.

Попытался сосредоточиться на предстоящих делах и поехал на работу.

* * *

Офис находился на первом этаже жилого дома. Светлана отперла входную дверь – охраны фирма не имела, у всех сотрудников имелись ключи, а замок всегда закрывали, – прошла по небольшому пустому коридору и толкнула створку приемной.

– Привет. Виктор Федорович на месте?

Света слегка улыбнулась, увидев, что секретарша Катя едва не подпрыгнула на месте, как будто увидела привидение.

– На месте, Светлана Леонидовна, здравствуйте, – пробормотала Катя.

Секретарша ее панически боялась, и Света не понимала почему. С подчиненными она всегда была безукоризненно вежлива, давно выбрав для себя такой стиль поведения, и Катин испуг ее забавлял. Но сейчас реакция девушки понятна – вчера Светлана предупредила, что может сегодня опоздать или не появиться вовсе, и, видимо, Катя ее не ждала.

– Кофе мне сделай, пожалуйста.

Света помедлила, не решив еще, в какую дверь толкнуться: сначала к себе или сразу к директору. Из приемной можно было попасть в два кабинета – в ее собственный и Виктора Федоровича. Все же отперла свой, бросила сумку на небольшую тумбочку, включила компьютер и достала из стола маленькое зеркальце. Лицо было в полном порядке. Дожидаясь, пока компьютер загрузится, стала смотреть на весеннюю улицу.

Позавчера к вечеру она устала. Рабочий день давно закончился, очень хотелось есть и поскорее оказаться дома, но трогаться с места буквально не было сил, и она позвонила Милке. Позвонила, потому что вдруг ощутила желание выбраться за город, на дачу, чтобы забыть о работе хотя бы на день. И о Викторе забыть. Вернее, не о Викторе, а о том, что Лиза может помешать ему жениться на ней, Светлане.

Когда Константин Олегович сказал, что Мила с Лерой собираются завтра на дачу, она почувствовала такую обиду и злость, что разом пропали и голод, и усталость. Ей даже сидеть стало тяжело, и Света встала из-за стола, походила по маленькому кабинету.

Давно, в детстве, они втроем были неразлучны. Тогда невозможно было представить, чтобы подруги поехали куда-то, не позвав ее. Почему все изменилось? Когда? Почему Мила, единственная, кого Света хотела бы иметь в подругах, давно перестала ей звонить? С Леркой все понятно. Та не может ей, Светлане, не завидовать. Торчит в своем вшивом НИИ на копеечной зарплате и держится за своего Сашку, который денег нормальных заработать не может, а женить его на себе не в состоянии. Но Милке-то чем она, Светлана, не угодила?

Предательство подруг ранило так сильно, что даже вспоминать об этом было сейчас больно.

Она выпила принесенный Катей кофе, еще раз посмотрела на собственное идеально правильное лицо и, пройдя приемную, без стука толкнула дверь кабинета директора.

Там, как всегда, толпился народ. Шеф улыбнулся ей совсем незаметно, а кивнул как посторонней, но она видела, как Виктор обрадовался, и ей тоже сразу стало радостно. Наплевать на все трудности и на всех подруг, она хочет быть его женой, и она ею будет.

Виктор был давним приятелем Леркиного отца, они то ли росли в одном дворе, то ли учились в одной школе. Виталий Александрович, отец Леры, тогда, устраивая ее к нему на работу, предупредил Светлану: характер у Виктора Федоровича Кузьменко непростой, человек он подчас грубый, несдержанный, однако честный и справедливый, и никаких каверз от него ждать не нужно.

Так и оказалось. Виктор мог накричать на любого в фирме за самую ерундовую погрешность, мог едва поздороваться, если был не в духе, или ни с того ни с сего начинал орать, чтобы не курили в коридоре. Но где же еще курить, если специального помещения никто не отвел,

а в холод на улицу не очень-то набегаешься? Однако, как ни странно, никто Виктора Федоровича не боялся. Молча выслушивали нагоняй, если совершали оплошности. Тушили сигареты, когда директору не нравилось курение, точно зная, что через полчаса можно будет выкурить новую сигарету безо всякого риска услышать вопли начальства.

Да, его не боялись. А всегда вежливую и доброжелательную Светлану боялись и избегали. Та же Катька, например.

Света свой стиль определила сразу – в противовес грубости и хамству директора.

Разговаривая с ней в первый раз, директор предложил выбор: или она идет технологом на производство (Света ведь окончила фармацевтический институт), или садится в приемной секретарем. Прежняя секретарша как раз перед Светиным приходом ушла в декретный отпуск, и она пораздумывала немного для виду, а затем ответила: будет секретарем. Хотя что было раздумывать? Ясно же, работать нужно около начальства, если хочешь чего-то добиться.

Пользы фирме Светлана принесла много, это понимали все, и Виктор, и другие. Фирма занималась производством биологических добавок, а их сейчас на рынке бесчисленное множество, и чтобы не затеряться среди конкурентов, нужно либо гнать откровенную халтуру, на что Виктор Федорович никогда не пошел бы, либо вкладывать колоссальные деньги в рекламу. А денег таких у него не имелось. Света предложила потихоньку наладить выпуск недорогой, но натуральной косметики, и косметика стала пользоваться большим спросом. Хорошая косметика получилась, кстати сказать. И действительно натуральная.

Мысль превратить директора и хозяина фирмы в законного мужа пришла ей в голову спустя какое-то время, чему Света и сама до сих пор удивлялась. Виктор ей вполне подходил: семьей обременен не был, несколько лет назад похоронив жену, имел единственного взрослого сына и двух внуков, которых навещал только по выходным. При этом мужчина видный, умный и, даже по первому впечатлению, очень надежный. То, что надо.

Женщину в своем секретаре Виктор Федорович разглядел не сразу, Светлана уже боялась, что и вовсе не разглядит. И вот перед Новым годом шеф подарил ей коробку с чаями разных сортов (незадолго до этого она обмолвилась, что очень любит экзотические чаи). А до тех пор почти Светлану не замечал. То есть замечал, конечно, Света к тому времени потратила массу сил, нервов и времени, чтобы превратиться для него в ходячую записную книжку-справочник и робкого ненавязчивого советчика, но видел в ней только помощницу. И только когда директор поставил перед ней расписанную китайскими мастерами коробку, она поняла, что заветная цель – получить успешного мужа-бизнесмена – стала, пожалуй, заметно ближе.

Сейчас цель близка, как никогда, и она, Светлана, никому не позволит ей помешать.

Только один человек стоит у нее на пути – Лиза.

Сначала Света боялась, что сможет помешать сын Виктора Федоровича, Вячеслав. Оно и понятно: какому наследнику понравится, если папаша с большими деньгами на старости лет женится? Правда, Виктору было лишь чуть за пятьдесят, и стариком его назвать ни у кого язык не повернулся бы. Но Слава оказался совсем не опасным.

Впервые Светлана его увидела, еще будучи секретарем. Она знала, конечно, что сын директора заведует одним из производств, а технологии разрабатывает и для остальных производств тоже, но в конторе Вячеслав почти не появлялся.

Когда высокий широкоплечий парень решительно миновал приемную и уже оказался перед дверью директора, не обращая внимания на скромно сидевшую за своим столом Свету, она его опередила. Удивляясь собственной прыткости, загородила дверь начальника и негромко так поинтересовалась:

– Как о вас доложить?

Могла бы и не спрашивать – сходство незнакомого парня с директором было поразительным.

А парень улыбнулся, оценивающе оглядел похожую на фотомодель секретаршу с ног до головы и неожиданно подмигнул, словно прекрасно понимал, зачем именно та сидит в этой приемной. Уж не за тем, чтобы бумажки перебирать.

– Не надо обо мне докладывать, – мягко отодвинул он ее в сторону и открыл дверь кабинета. Но потом зачем-то добавил: – Я сам о себе доложу.

Дверь захлопнулась, и Света всерьез задумалась. Сын шефа может создать проблемы. Вячеслав как будто видел ее насквозь и знал, что она нацелилась на его отца. И при желании сумеет этим целям помешать. Попытаться помешать, во всяком случае. Парень явно не дурак и вполне способен настроить отца против красавицы-секретарши.

Светлана уже приготовилась бороться и начала продумывать тактику будущих сражений, когда дверь со стуком открылась. Высокий сын шефа вышел из кабинета, понимающе и весело улыбнулся, остановившись около ее стола, и снова подмигнул – мол, дерзай.

Никакой борьбы не будет, поняла Света, Вячеслав не станет возражать, если отец найдет себе женщину. И если этой женщиной окажется она, Светлана, тоже не будет возражать.

Ну и дурак.

– Кофе хотите? – тоже весело улыбнувшись, спросила она.

– Кофе? – задумался Слава. – Нет, кофе не хочу. Есть хочу.

– Ну, тут я вам ничем не помогу, – развела Света руками, – имеется только печенье, да и то пачка початая. Хотите?

– Хочу. Давайте.

– Кофе я все-таки сделаю, – поднялась из-за стола секретарша, похожая на фотомодель. – Или чай?

– Не надо, сухим пайком возьму.

Вячеслав сунул початую пачку в карман куртки и теперь смотрел рассеянно, словно уже не видя ни Светы, ни приемной. У Виктора Федоровича тоже была такая привычка мгновенно погружаться в свои мысли.

Жаль, что у парня двое детей, подумала Света, знавшая: ее шеф – дед двоих внуков, Степана и Даши. Ей тогда показалось, что она почти влюбилась в Славу. А может быть, просто радовалась от того, что сын директора не станет мешать ее охоте на своего отца.

Тогда Светлана не знала, что опасность придет совсем с другой стороны.

От Лизы. От жены Вячеслава.

* * *

Наутро после неудачной поездки на дачу Лера выглядела ужасно. Пришлось потратить больше часа, чтобы придать себе такой вид, когда можно отправляться на работу. Глаза от вчерашних слез совсем заплыли, она мыла их попеременно холодной и горячей водой. Потом принималась краситься, но тут, как назло, опять навертывались слезы, и приходилось все начинать с начала.

Вообще-то Лера плакала редко, почти никогда, и за свои слезы ей было даже стыдно. Она же не истеричка, в самом-то деле! Да и особых причин вроде бы для слез нет. Правда, родители далеко – отец уже шестой год преподавал в университете в Калифорнии, и мама жила с ним. Они постоянно звали ее к себе, обещали найти хорошую работу. И напирали не очень сильно только потому, что все ждали, когда дочка защитит диссертацию.

Только Лера не уезжала вовсе не из-за диссертации, о которой ей даже думать было тошно. Она не уезжала из-за Саши. И прекрасно отдавала себе в этом отчет. Не уезжала, не искала другой любви, а годы шли, почти у всех ее ровесниц уже были мужья и дети, а у нее только Саша, который все не торопился на ней жениться, да работа, оплачиваемая, мягко говоря, скудно.

Лера провозилась так долго, что зашуршал в замочной скважине поворачивающийся ключ. Дверь отворилась, и в небольшой прихожей возник гражданский муж (сейчас это так называется) – усталый и осунувшийся после бессонной ночи. Он работал диспетчером на электростанции.

– Ты что, Лер? – удивился Казанцев, застав ее дома. – Не заболела?

– Нет.

Она подошла поцеловать его, но Саша снимал ветровку, и Лера тихо остановилась рядом.

Казанцев действительно очень устал, смена выдалась тяжелая. На соседней подстанции погиб монтер. Погиб по-дурацки, из-за грубейшего нарушения правил техники безопасности. Монтера этого он не то чтобы знал, просто видел несколько раз. Теперь ему известно, что у погибшего парня остались жена и маленький ребенок. Ну и родители, конечно. Ему было тошно и не хотелось ни с кем разговаривать. Даже с Лерой.

– Как отдохнули вчера? – через силу спросил он.

Лера хотела рассказать про щенка, но Саша уже прошел в ванную, зашумела вода, и она промолчала. Ему неинтересно ее слушать. Ну и не надо! Недавно еще подступавшие к глазам слезы спрятались куда-то так быстро и так бесследно, что она не смогла бы теперь заплакать, даже если бы захотела. Слегка этому удивившись, Лера крикнула:

– Саш, я пошла!

Вообще-то она собиралась еще выпить кофе, но сейчас ей почему-то захотелось поскорее исчезнуть из собственной квартиры.

– Пока. – Гражданский муж вышел из ванной, обнял ее и погладил по голове, как маленькую. – Вовремя придешь?

– Как получится.

– Звони.

– Ты тоже.

Ехать ей было далеко, но удобно: на метро по прямой ветке, без пересадок. Сегодня Лере повезло, сидевший прямо перед ней огромный бородатый мужик встал и вышел на «Комсомольской», и она заняла освободившееся место. Можно было достать книжку и почитать, можно было послушать музыку, но почему-то не хотелось ни того, ни другого. Лера тупо смотрела, как стоящих перед ней людей сменяют другие пассажиры, и чуть не проехала свою остановку.

В институт, где она работала, ее пригласил Милин муж, Константин Олегович. Тогда Костя, давний друг Лериных родителей, еще не был Милиным мужем, но уже являлся главным инженером большого института. Работа Лере нравилась. И коллеги в основном нравились, и перспективы повышения были хорошие. Зарплата вот только подкачала. Придя в институт, Лера другой работы не искала и даже не думала об этом, и только сейчас, сидя в переполненном вагоне, подумала, что вся ее жизнь какая-то на редкость унылая и неинтересная. Жизнь пройдет, а вспомнить будет нечего.

У проходной Лера столкнулась с Аллой Борисовной, начальницей соседнего отдела, очень доброжелательной дамой предпенсионного возраста.

– Я вчера вас искала, Лерочка, – улыбнулась женщина. – Отгул брали?

– Да, – кивнула Лера. – На дачу с подружкой ездили. Хорошо как за городом!

– Представляю, – опять улыбнулась Алла Борисовна. – Необычный апрель в этом году, я такого и не помню. Обычно еще снег лежит, а нынче природа нас порадовала.

– А зачем вы меня искали?

– Когда вы нам данные передадите? Сроки подходят.

– Технологи задерживают, – виновато пожаловалась Лера. – Три раза материалы приносили, и все время чего-то не хватает, даже полного списка данных до сих пор нет.

– Вы с ними поостроже, – посоветовала Алла Борисовна. – Там такие бездельники, будь моя воля, давно бы всех поувольняла. Генеральному пожалуйте.

Лера промолчала. Жаловаться генеральному директору ей совсем не хотелось.

– Точно, точно, пожалуйте, – повторила собеседница. – Иначе на вас же всех собак и повесят.

– Я подумаю.

Рабочий день почти подошел к обеду, когда Лера вспомнила о лежавшей в сумке пластиковой бутылочке с остатками мартини, захваченной вчера с дачи. Сейчас мысль проверить вино на наличие яда показалась откровенно дурацкой, и она решила по дороге в столовую выбросить бутылочку в мусорный контейнер, всегда стоявший в институтском дворе.

Лера оторвалась от компьютера, потянулась, покрутила головой, подошла к окну. Погода казалась скорее майской, чем апрельской, на деревьях даже появились крошечные листочки, и тратить обеденный перерыв на нахождение в душевной столовой не хотелось. «Лучше схожу на рынок, – решила Лера, – куплю хлеба и огурцов, получится замечательный обед».

Она собралась набрать номер подружки, Иры Басмановой, но та объявилась сама. Позвонила и приказала:

– Выходи на улицу!

Уже через пять минут приятельницы стояли возле здания института, обдуваемые слабым приятным ветерком.

– У нас такой кошмар! – воскликнула Ира, когда они отошли на достаточное расстояние от входа. – Представляешь, Тамара умерла!

– Что?! – изумилась Лера.

Главный бухгалтер Тамара Станиславовна, интересная голубоглазая дама лет сорока пяти, непосредственная Ирина начальница, совсем не производила впечатления больной, готовой в любой момент скончаться женщины.

– У нас с утра переполох. Тамары нет и нет. Мобильный не отвечает, домашний не отвечает. А тут еще из налоговой звонят и звонят, наши тетki не знают, что делать. Часов в одиннадцать решили к ней домой ехать, у кого-то нашлись ключи от ее квартиры. Через час звонят – Тамара лежит мертвая в постели.

– Ужас какой!

– Да, ужас, – согласилась Ира. И с сожалением добавила: – Больше ничего не знаю. Вообще-то Тамара в последнее время нервная ходила, все заметили. Раньше чай пить к нам забегала, да не по одному разу, а в последние дни из кабинета вообще не высывалась.

– А Константин Олегович знает? Они ведь с Тамарой дружили.

– Дружили... Да Тамара в него влюблена была, как десять кошек! Нет, Костя не знает. Точно. Наши-то сразу к нему кинулись, когда не смогли Тамару найти. Но он с директором на какой-то конференции, мобильные выключены.

– Невероятно! Ну отчего цветущая женщина может умереть ни с того ни с сего? А, Ир?

– Сердце, наверное, – предположила Ира. – Больше вроде бы не с чего ей помирать. Как вчера на дачу съездили?

– Плохо, – не сразу ответила Лера. – К нам щенок прибил, играл около ворот и увязался за нами. Баловался все время, потом заскочил на стол, попил мартини из моей чашки и украл колбасу. Мартини Светка привезла.

– Она тоже с вами была?

– Мы сами удивились, когда ее увидели. Ира, у нас там щенок умер.

– От чего?

– Не знаю. Умер, и все. Мы порядок после его шалости наводили, посуду мыли и закуски заново резали, и прошло, наверное, с полчаса, пока снова вышли в сад. А он там уже мертвый.

– Ну, положим, колбасой собаку не отравишь. Колбаса твоя была?

– Моя. Накануне вечером в супермаркете купила. Да мы и сами колбасу ели, и ничего, живы.

– А мартини собаки не пьют.

– Нет, песик попил. – Лера вспомнила, как щенок лизнул ее в нос, и вздохнула.

– Скорее всего, какую-нибудь дрянь по дороге съел. Может, крыс кто-нибудь травил, а он отраву подобрал.

– Может быть, – опять вздохнула Лера. Крыс в поселке не было, а мыши водились. Вероятно, действительно кто-то разбросал отраву. – Светка сразу начала кричать, что это ее пытались отравить.

– Твоя Светка сама кого хочешь отравит! – хихикнула Ира. – Она меня на твоём последнем дне рождения просто достала. Вы с Милкой на кухне возились, а Светка к Сашке твоему приставала, выпытывала, сколько тот получает, и своей зарплатой хвасталась. Хорошо, что Саша у тебя спокойный, отшучивался, и все. Другой бы нахалку за порог выгнал. Меня она тоже попробовала подколоть, но я ее быстро на место поставила.

«Нужно вылить мартини, – окончательно решила Лера, – а то буду выглядеть дура душой. Конечно, так и было, кто-то травил мышей, а отравил щенка. Это только Свете могло прийти в голову, что ее хотели убить. Что вообще кого-то хотели отравить тем вином. Бред!»

Подружки купили теплый хлеб, огурцы, помидоры и успели перекусить, сидя на лавочке в маленьком институтском дворике, перед тем как разойтись по своим рабочим местам.

* * *

Отчего-то сегодня Лиза проснулась, чувствуя себя одинокой и совершенно несчастной, хотя особых причин для такого пакостного настроения не было. Вернее, причина имелась, но она, эта причина, ведь не сегодня же появилась.

Лиза сварила кофе, прикинула, что приготовить детям и мужу на завтрак, решила накраситься, но не стала. День обещал быть солнечным. Удивительный апрель в этом году, Лиза такого не помнила за все время, что жила в Москве. У нее на родине, в Ростове, к солнцу и теплу привыкли, хорошей погоде не радовались, подобно столичным жителям, воспринимали как должное. Теперь-то Лиза научилась ценить каждый солнечный день. Тогда ей начинало казаться, что все у нее в жизни отлично, и сама жизнь еще впереди, и она в ней не пропадет. Она, молодая красивая женщина с дипломом врача, всегда сумеет найти работу и не будет ни от кого зависеть.

Большой ошибкой все-таки было бросить работу. Конечно, детей должна воспитывать мать, кто же спорит, но это хорошо, когда мать уверена в собственном муже и собственном будущем. А Лиза ни в чем не уверена. Нужно было идти работать, тогда все было бы по-другому. Тогда она не зависела бы от ненадежного Славки и от свекра, который не сегодня завтра женится. Седина в голову, а бес в ребро, как говорится.

Ей хотелось немного посидеть в тишине, подумать обо всем спокойно. Но из детской слышались звонкие голоса, и сразу же проснулся Слава. Лиза окунулась в привычные утренние хлопоты. И только отведя детей в детский сад, смогла вернуться к своим невеселым мыслям.

Отцом Слава оказался хорошим. Прямо скажем, вопреки ее опасениям. С детьми возится много и с удовольствием. А вот муж из него совсем неподходящий. Во-первых, все дела фирмы остаются в руках Виктора Федоровича, а сын фактически работает у него наемным химиком-технологом с зарплатой, хотя и вполне приемлемой, даже для Москвы, но все-таки далеко не такой, какой хотелось бы. Ну а во-вторых и главных, Слава не любит Лизу. И нет никаких гарантий, что не полюбит какую-то другую женщину, ради которой будет способен оставить

жену и детей. Поэтому она сейчас и чувствует себя еще более одинокой, чем когда впервые приехала в Москву.

Тогда-то Лиза свою внешность оценивала высоко, одни по-настоящему голубые глаза чего стоили (впрочем, и теперь ценит, только уже знает, что любой внешности на самом деле цена невелика), совершенно не сомневалась, что вожденная столица будет лежать у ее ног. Еще привыкая к суматошным московским улицам, она тогда всерьез размышляла, где лучше жить – в загородном особняке или в московской квартире. Причем квартиру себе представляла не иначе как в каком-нибудь шикарном высоченном новом доме или, наоборот, в старом, капитальном, сталинском.

Поступать Лиза собиралась в медицинский институт. Сначала мечтала стать артисткой, но мать убедила, что профессию нужно иметь настоящую, всегда и всем нужную, потому что неизвестно, какие сюрпризы может преподнести непредсказуемая жизнь. К экзаменам Лиза готовилась прилежно и добросовестно, она вообще все делала прилежно и добросовестно, и в институт поступила сразу, с первой попытки, опрокидывая прочно сложившееся в родном городе мнение, что без блата или взятки в московский вуз не попадешь.

Студенческие годы пролетели мгновенно. Подружки-однокурсницы выходили замуж, а Лиза все никак не встречала своего избранника, который полюбил бы ее до потери сознания и при этом имел бы особняк или огромную квартиру. Конечно, парней у нее было много, побольше, чем у тех же подружек-однокурсниц, да вот по-настоящему стоящего не попалось. Не за рядового врача же выходить, в самом деле. Она и сама обычный врач, с грошовой зарплатой. Нет, такого счастья ей не нужно.

И Лиза терпеливо ждала. Устроилась участковым терапевтом в районную поликлинику, вела прием, ходила по вызовам. Район был почти в центре, дома кругом стояли замечательные, именно то, что надо. И машины у подъездов впечатляли. Но вызывали ее, как правило, старики и старушки, а вовсе не молодые привлекательные мужчины, готовые немедленно влюбиться в красавицу-доктора.

К Дарье Степановне Кузьменко Лиза приходила часто, иногда даже без вызова. Тетка явно дышала на ладан, сердце ни к черту не годилось, а Лиза к работе относилась исключительно добросовестно. Именно так и надо к своему профессиональному долгу относиться, сразу для себя решила она, и этому правилу неукоснительно следовала.

Лизе нравилась интересная, еще совсем не старая женщина, которая имела все, чего так хотелось ей самой, и которая это все, то есть и прекрасную квартиру, и загородный дом, променяла бы на возможность нормально, не болея, жить и работать. Про загородный дом Лиза знала – Дарья Степановна как-то упомянула, что у них отличный особняк за городом, да только жить там она не может: пока «Скорая» доедет, можно и на тот свет отправиться.

Женщина поила доктора потрясающе вкусным чаем, дарила участковой дорогие духи и просила заходить почаще. Иногда Лиза встречала у Дарьи Степановны ее сына Славу, который вежливо и равнодушно здоровался, ласково целовал мать и убегал по каким-то своим то ли рабочим, то ли сердечным делам.

Странно, но Вячеслава Лиза никогда не рассматривала как потенциального мужа. А Виктора Федоровича стала рассматривать сразу, едва увидела. Сразу и всерьез.

В тот день она решила обязательно заглянуть к Кузьменко, ведь не была у Дарьи Степановны больше двух недель, и пора провести даму. Но обход больных по вызовам затянулся, всю свирепствовал грипп, хотя официально эпидемия еще не была объявлена, и закончила Лиза поздно, в девятом часу. Вообще-то с районом ей повезло, в центре плотность населения значительно ниже, чем в окраинных спальных районах, поэтому у нее была возможность уделять каждому пациенту чуть больше внимания, чем районный терапевт в каком-нибудь Библиреве. Она и уделяла. И ей было приятно, что больные это ценят.

В подъезд, где жили Кузьменко, Лиза вошла совершенно вымотанной, решила, что никакие чаи пить не станет и дольше десяти минут не задержится. Лифта она ждала вместе с высоким немолодым мужчиной, на которого от усталости почти не обратила внимания, хотя обычно мужчин от тридцати до пятидесяти лет украдкой разглядывала и даже как бы примеряла к себе. Она вышла на нужном этаже, протянула руку к кнопке звонка, но не успела позвонить – попутчик, вежливо улыбнувшись, слегка отодвинул ее и открыл дверь своими ключами.

– Елизавета Дмитриевна? – спросил он, догадавшись, кто перед ним, пропуская врача в квартиру. И опять улыбнулся. Чуть-чуть, почти незаметно.

Глаза у него были серые, усталые, и сам хозяин дома выглядел уставшим, было заметно, что улыбается мужчина через силу и больше всего хочет, чтобы докторша провалилась к чертовой матери.

– Да, – понимающе кивнула Лиза. И твердо пообещала: – Я на пять минут, не дольше.

Тут в прихожей возникла Дарья Степановна, удивленно ахнула и, увидев Лизу, зашебетала. Лиза измерила ей давление, пульс, задала все полагающиеся вопросы, отказалась от ужина и пошла одеваться. Виктор Федорович – правда, тогда Лиза еще не знала, как зовут супруга больной, возник словно ниоткуда и, не глядя на нее, объяснил:

– Я вас провожу. Поздно уже.

Лиза начала отказываться, но мужчина не слушал, и только выйдя из подъезда, спросил:

– Вам куда?

– К метро.

Она ждала, что муж пациентки спросит, куда ей ехать, но тот не спросил. И вообще ни о чем не спросил, они так и шли молча, но, странное дело, Лизе было очень приятно идти по темной холодной Москве со своим молчаливым провожатым.

Уже у самого метро Кузьменко остановился, слегка придержав спутницу за локоть, и сунул ей в руки конверт. Лиза не сразу поняла, что он дает деньги, а когда уразумела, гневно вернула конверт.

– Я не поэтому к вам прихожу!

От обиды она чуть не заплакала, хотя и сама не поняла, почему и на что так обиделась. Деньги пациентки совали и раньше, и она никогда не отказывалась. В конце концов, духи, которые дарила ей жена этого мужчины, тоже стоили денег.

– Возьмите, пожалуйста, – попросил Кузьменко, глядя на нее как-то по-новому, словно открывая для себя.

Лиза помотала головой, и он снова придержал ее за локоть, снова попросил:

– Возьмите. Я очень вам благодарен за Дашу, и мне хочется вас хоть чем-то вознаградить за работу. Купите себе какую-нибудь ерунду.

Мужчина улыбнулся как-то виновато, и Лиза не выдержала, тоже улыбнулась. Он взял ее за руку, сунул в пальцы злополучный конверт и, чуть помешкав, поцеловал замерзшую ладонь. Потом быстро кивнул, словно разозлившись на себя, и, не оглядываясь, пошел назад. А Лиза неожиданно подумала, что он, скорее всего, никогда не изменял своей Даше.

В конверте оказалась тысяча долларов, огромная по тем временам для участкового терапевта сумма.

Лиза ехала в полупустом вагоне, вспоминала, как хорошо было идти рядом с высоченным Кузьменко, как робко тот поцеловал ей руку, и отчаянно завидовала старой больной Дарье Степановне. Не то чтобы она сразу влюбилась в уставшего дядьку с серыми глазами, просто ее мечта об обеспеченном и надежном муже обрела четкую телесную оболочку.

А теперь... теперь ее мечта воплотится для другой. Для Светки.

* * *

Мила любила домашнюю работу. С удовольствием готовила, с удовольствием убирала квартиру, чего Костя никак не мог понять и все шесть лет их брака навязывал жене домработниц. Но Мила решительно отказывалась. Зачем? Ей не трудно все сделать самой. Вот чего ей действительно не хотелось, так это ходить на службу.

Окончив институт, она недолго проработала младшим научным сотрудником в известном НИИ, куда ее устроил отец. Этого недолгого времени сполна хватило, чтобы навсегда отбить охоту вставать в половине седьмого, наспех краситься, а потом целый день слушать бесконечные разговоры сослуживцев, которые ее совсем не интересовали, о семьях, о грядущих повышениях и сокращениях и еще черт знает о чем. Отец, проректор одного из крупных вузов, хотел, чтобы дочурка занималась наукой, но никакая наука Милу не привлекала. И когда представилась возможность выйти замуж за Костю, девушка не раздумывала. Она хотела быть просто женой. Ей нравился Костя. И очень нравилось, как красиво тот за ней ухаживает: с неизменными цветами, с походами в рестораны, на выставки и в театры. Тогда она не любила Костю, а вот сегодня отчего-то впервые задалась вопросом, любит ли его сейчас. Вопрос был глупым и ненужным, но Мила не могла от него отвязаться. Она заботилась о муже, ждала его с работы, волновалась, когда Костя задерживался или болел, но любить...

Раздался телефонный звонок, и Мила обрадовалась, отключаясь от дурацких мыслей.

– У меня печальная новость – Тамара умерла, – огорошила ее Лера. – Ты уже в курсе?

– Н-нет, – протянула Мила. – Откуда же мне знать?

– А мне Ира сказала. Тамара сегодня на работу не вышла, а когда кто-то поехал к ней домой, нашел ее уже мертвой. Ну, насколько это Ире известно. А Костя на какой-то конференции, да?

– Да, – подтвердила Мила, – на конференции.

Положила трубку и задумчиво прошлась по квартире. Тамара была Костиной подругой с юности, уже сто лет. Мила видела ее редко, разве что на днях рождения мужа, и не хотела бы видеть совсем. Тамара явно терпеть не могла жену Константина, и Мила платила женщине тем же. Сначала скрытая Тамарина неприязнь очень обижала, но потом Мила научилась не обращать внимания. Ну, почти привыкла.

На любую Милину фразу Тамара кривила губы, словно кроме абсолютного вздора супруга друга юности не в состоянии произнести ни слова. А Мила, между прочим, окончила школу с золотой медалью, институт с красным дипломом, прекрасно владела тремя иностранными языками и была вполне способна поддержать беседу на любую тему. В конце концов в ответ на ехидную Тамарину мимику она научилась понимающе улыбаться. Правда, сначала пыталась поговорить с Костей о неприятной манере его приятельницы. Но тот ее словно не понимал. Впрочем, может быть, и в самом деле не понимал.

Сегодня муж пришел рано, намного раньше обычного – видимо, после конференции на работу уже не стал заезжать, и Мила, услышав, как поворачивается ключ в замке входной двери, выбежала в прихожую. Константин выглядел не таким измученным, как вчера.

– Ты знаешь, что Тамара умерла? – дождавшись, когда муж, как обычно, поцелует ее, спросила Мила.

– Н-нет, – совсем как она недавно, протянул тот.

Костя казался удивленным, но Мила отчетливо поняла – знает. Она уже давно умела чувствовать настроение супруга, врать ей было бессмысленно.

– У меня мобильный выключен был. Я его отключил, когда доклады начались, – пустился в объяснения Константин и зачем-то даже продемонстрировал ей свой телефон, достав его из кармана плаща. А потом спросил, как ей стала известна печальная новость.

Затем они разговаривали просто так, ни о чем, но у Милы стучало в висках – знает. Да, да, Костя, когда пришел, уже знал, что Тамары больше нет. Откуда? И почему пытался скрыть это?

Почему-то ей стало так страшно от Костиного вранья, словно Костя мог быть причастен к неожиданной Тамариной смерти. «Чушь, глупость! – осадил себя Мила. – Подобного не может быть! Я просто никак не успокоюсь из-за собаки...»

* * *

Казанцев разглядывал потолок и, казалось, ни о чем не думал. Но на самом деле думал, конечно, и мысли были неприятные. Среди работников электростанции ходили упорные слухи, что надбавки к окладу, которые составляли значительную часть зарплаты, будут сокращать. Если так, то он станет получать меньше Леры, а допустить этого ни в коем случае нельзя. Самым лучшим вариантом тогда будет перейти в Сетевую компанию, но именно диспетчером, никакой другой должности, тем более связанной с бумажной волокитой, Александр категорически для себя не желал. Уходить со станции не хотелось. Он поступил туда, еще будучи студентом. Начинать монтером, и работа ему нравилась. Работа и сейчас ему нравится, не радует лишь зарплата.

Очень хотелось спать, но снова заснуть вряд ли удастся. Сашу разбудила мать, которая звонила ему домой, то есть в квартиру Лериных родителей, где жил сын, только днем, когда Леры не было. Сегодня он разозлился: отдохнуть получилось не больше двух часов. А ведь мать прекрасно знала, что сын пришел с ночной смены. Позвонила и, как обычно, принялась жаловаться на здоровье. Александр слушал вполуха, потому что давно привык к ее постоянным жалобам. Собственно, другой он ее и не помнил. И прекрасно понимал, что большинство болезней родительницы, если не все, выдуманные. Насторожился только тогда, когда она заговорила о новом чудодейственном средстве, помогающем всем и от всего. Название, правда, сразу же забыл, а вот цену запомнил. Цена впечатляла. Если зарплату все-таки понизят, с покупкой лекарства возникнут большие проблемы.

Желания матери поболеть Саша никогда не понимал, хотя давно перестал удивляться.

– Пойми, женщине просто хочется внимания, – объясняла ему Лера. – Звони ей почаще. Заезжай, посиди, поговори о чем-нибудь.

Казанцев посмотрел на часы и заволновался – Лера уже должна быть дома. Но ее нет. Что-то стряслось? Судорожно потыкал в кнопки мобильного, но автоматический голос сообщил, мол, абонент временно недоступен. Александр быстро оделся и отправился встречать Леру к метро.

Его настоящей болью было то, что мать Леру терпеть не могла. Прямо об этом не говорила, но он чувствовал. Вернее, совсем давно, когда только-только представил ей подругу, родительница стала высказывать свое мнение о девушке, но он пресек ее речи сразу и навсегда.

Саша достал из кармана часы и по-настоящему испугался – почти восемь, а Леры все еще нет. Тут он наконец увидел ее среди выходящих из метро людей, шагнул к ней, обнял, уткнувшись в пушистые волосы, и только сейчас заметил, какой сегодня выдался хороший, по-настоящему весенний вечер.

По дороге к дому Лера что-то рассказывала, но Казанцев почти не слушал, вернувшись мыслями к работе, зарплате и новому лекарству матери.

Лера была рядом, и все трудности казались преодолимыми.

* * *

День выдался суматошный. Неожиданно выяснилось, что для партии продукции, которую необходимо сдать в мае, не хватает сырья, и Света долго обзванивала поставщиков, ругалась с ними, просила, умоляла. Только к концу рабочего дня вспомнила, что с утра ничего не ела. И поняла, что смертельно устала.

– Хотите, кофе сделаю, Светлана Леонидовна? – сунулась в кабинет Катя. – А могу в булочную сбежать, пирожков купить. Хотите?

– Спасибо, не надо, – отказалась Света, оценив заботу секретарши. Ведь слышала, как та договаривалась с кем-то о свидании сегодня вечером. – Спасибо, иди домой.

Не хватало еще, чтобы секретарша торчала здесь. Тогда поговорить с Виктором просто так, без посторонних, не получится.

Светлана с удовольствием потянулась, закинув руки за голову, закрыла глаза, глубоко и размеренно подышала и, почувствовав, как усталость отступает, направилась в кабинет директора. Катя, к счастью, уже ушла, можно было не бояться, что сунется в неподходящий момент. Естественно, ничего лишнего Света и Виктор на работе себе не позволяли, но близкие отношения не скроешь, и секретарше лучше не сидеть за дверью.

Кузьменко заулыбался, подняв голову от бумаг и наблюдая, как Светлана идет к нему через небольшой кабинет. Поймал, протянув руку, ее за талию, усадил к себе на колени.

Он тоже очень устал и тоже, скорее всего, ничего не ел с самого утра. Однако сидеть вот так, обнявшись, было настолько хорошо, что не хотелось не только уходить, но даже шевелиться.

Может, плюнуть на все, подумала Света, и поехать к Виктору? Вообще-то она решила не появляться у него, пока мужчина не разродится наконец нормальным предложением, но... Что они, дети, прятаться ото всех? Стесняются секретарши, его родных... Надоело!

Мобильный, брошенный на стол, напрягся и зарычал, Виктор протянул к трубке руку, слегка отодвинув Светлану.

Лиза, поняла она. Никак в покое не оставит. Стерва.

Лиза говорила что-то про дочку Дашу. Света старалась не слушать, но в тихом помещении все равно было слышно.

– Свет, – виновато произнес Виктор, бросив телефон назад на стол, – Даша заболела, я должен ехать.

Ей было ясно как божий день, что никто ничем не заболел и что Лиза использует любой предлог, лишь бы не дать Виктору возможности побыть с ней, со Светланой.

– Что с малышкой? – участливо спросила она про маленькую внучку своего избранника.

– Лиза не понимает и нервничает. Она же не педиатр.

Тут Виктор Федорович подумал, что изрядно сомневается в компетентности невестки как доктора вообще. И всегда сомневался, поэтому к покойной жене вызывал совсем других врачей, которым много платил и на которых выходил исключительно через знакомых. Кузьменко чуть вслух не ляпнул о своих мыслях, но вовремя остановился – ругать невестку он себе не позволял. Добавил только:

– Температура небольшая, простуды вроде бы нет, но Дашка капризничает, плачет.

– А врача Лиза вызвала?

– Нет. При такой температуре неотложку вызывать глупо, а участкового поздно.

Мужчина спешно натягивал плащ, проверял, не забыл ли ключи и телефон. Света тихонько покачала головой, восхищаясь находчивостью его невестки. Что может быть проще? Всего и надо-то сказать, что заболела внучка, и любящий дед обязательно кинется к больному

чаду. Виктор внуков любил, беспокоился о них, и его реакцию просчитать не стоит особого труда.

Господи, неужели он не понимает, что Лизе нужно только одно – чтобы свекор был с ней, а не со Светланой?

Конечно, не понимает. И самое печальное, что она не знает, как ему это объяснить.

– Хочешь, я тебя подвезу?

– Нет, Витя, спасибо. Езжай. Я сама доберусь. И позвони, если с Дашкой что-то серьезное.

– Угу.

Любовник чмокнул ее в нос, потом около уха, и она почти физически почувствовала, что мысленно он уже не здесь, а где-то там, с якобы больной внучкой. Вернее – с Лизой. А ведь совсем недавно казалось, что у нее все получилось...

Сразу после новогодних каникул Света явилась на работу в новых сапогах. Сапоги были красивые и жутко дорогие, на высоких каблуках, совершенно непригодных для московской зимы и обледенелых тротуаров. Делать в каникулы было совершенно нечего, Светлана болталась по магазинам, купила понравившуюся обувь и не смогла устоять перед соблазном покрасоваться в ней на работе. Днем она с удовольствием крутила ногами перед Катей и бухгалтершей Раисой Николаевной, а вечером, спускаясь почти в темноте с крыльца офиса, не устояла, поехала по скользким ступенькам вниз и грохнулась, очень больно приложившись бедром и локтем. Не видя, что сзади идет Виктор Федорович, попыталась, чуть не кряхтя, встать, но начальник как-то сразу оказался рядом и легко и обидно, как мешок с тряпьем, поднял ее. И тут же торопливо стал всю ощупывать – на предмет переломов, видимо.

– Не надо, – чуть не оттолкнула его Света, – со мной все в порядке.

Вот тут и выяснилось, что один из великолепных каблуков сломан. А поскольку в тот день она приехала на метро, шефу пришлось отвезти ее домой. Ему давно уже хотелось ее проводить. К тому времени ему уже хотелось быть с ней и видеть ее постоянно, и Света это знала.

Сидеть на ее маленькой кухне ему было хорошо. И потом, ночью, мужчине тоже было хорошо. Может быть, от того, что у него давно не было женщины, может быть, еще почему-то. Одним словом, к утру Светлана знала, что отныне может делать с Виктором Федоровичем что хочет.

Тогда она не сомневалась, что очень скоро станет его женой.

Она и сейчас не сомневалась. Но... Лиза оказалась серьезным противником.

Пятница, 23 апреля

В вестибюле здания висел некролог, и Лера присоединилась к небольшой кучке людей, стоящих перед большой фотографией главного бухгалтера. На столе под снимком в траурной рамке стояли в вазочке красные гвоздики. На портрете Тамара Станиславовна получилась хорошо, настоящей красавицей, и Лера опять подумала, как неожиданна ее смерть.

– Вот ведь ужас какой! – тихо произнесла рядом Алла Борисовна. – Я только в понедельник ее видела, мы с ней еще потрепались немного.

Алла Борисовна работала в институте давно, наверное, всю жизнь, и Лере часто казалось, что эта женщина знает и помнит всех, кто хоть когда-нибудь появлялся в здании.

– А отчего она умерла, Алла Борисовна?

Та слегка потянула ее за рукав в направлении лифтов и, когда они отошли от реденькой толпы, тихо сказала:

– Говорят, что отравилась, но я не верю.

– Что?! – ахнула Лера. – Бред какой!

Сама она главного бухгалтера знала мало, но о жестком характере ясноглазой Тамары Станиславовны была вполне наслышана от подруги Иры.

– Вот именно, бред. Она была... боец.

– Так, значит, ее убили?

– Что вы, Лерочка! – опешила Алла Борисовна. – Я совсем не это имела в виду. Человек в любом возрасте может умереть скоропостижно. А мог иметь место и просто несчастный случай.

– А... почему же пошли слухи, что Тамара Станиславовна отравилась?

– Всех дур не переслушаешь! – резко ответила Алла Борисовна. Женщине явно не хотелось откровенничать на эту тему, и она перешла совсем на другие, заговорила о служебных делах.

Лера еще не успела отпереть дверь своей рабочей комнаты, как появилась технолог Галина Николаевна, высокая темноволосая дама. Та еще две недели назад должна была передать ей рабочие материалы по текущему проекту, но в подборке не хватало то одного, то другого, то третьего документа, и продолжать работу было невозможно.

Два месяца назад генеральный директор назначил Леру, неожиданно для нее самой, руководителем проекта, и это вызвало большое недовольство сослуживцев, работающих в институте гораздо дольше. И хотя назначение было вполне оправданным – Лера уже давно тянула на себе основной фронт работ и новой должности полностью соответствовала, – это не нравилось многим, в том числе ей самой. Леру, естественно, не обрадовали зависть некоторых сослуживцев, их косые взгляды и ехидные замечания, хоть девушка и старалась не обращать на них внимания. Тем же, кто на это место метил, разумеется, стало обидно. А метила на должность как раз Галина Николаевна.

– Что вы опаздываете? – сейчас раздраженно спросила женщина.

– Я не опаздываю, – улыбнулась Лера, которая потихоньку начинала учиться давать отпор раздраженным дамам. Иногда ей это удавалось, иногда нет.

– Опаздываете!

– Разве? – опять улыбнулась Лера, пропуская рассерженную тетку вперед, в комнату, и кивая на висящие над дверью часы. До начала рабочего дня оставалось три минуты.

Вообще-то делать ей замечания Галина Николаевна не имела никакого права. Формально Лера подчинялась начальнику своего отдела, очень пожилому и почти постоянно болеющему, а фактически – только генеральному директору, который самолично руководил основными проектами. К тому же рабочий день в институте давно стал «плавающим», народ приходил,

когда хотел, и уходил тоже, благо пропускная система автоматически фиксировала время прихода-ухода, и всегда можно было определить, кто и сколько находился на работе.

Комната была небольшой, уютной, рассчитанной на три рабочих места, из которых постоянно было занято только одно – Лерино. Другое принадлежало женщине, третий год находившейся в отпуске по уходу за ребенком, а третье пустовало, потому что молодой инженер, оставшийся было в институте после прохождения преддипломной практики, нашел себе более выгодную и перспективную работу и полгода назад уволился.

– Посмотрите почту. Я переслала все, что вам нужно. – Галина Николаевна всегда говорила очень уверенно и очень раздраженно, как будто собеседники до смерти ей надоели. Впрочем, вероятно, так и было.

Лере хотелось сказать, что только она сама может решить, что ей нужно, но не стала. Включила компьютер, открыла пришедшие по электронной почте материалы, быстро проглядела и поняла, что все триста страниц отчета придется переписывать, выживая из раздутого текста крупницы необходимой информации.

Нет, не права Алла Борисовна, назвав коллег бездельниками. Это совсем другая болезнь, и называется она профессиональной непригодностью.

– Галина Николаевна, я составлю таблицы по вашему отчету и пришлю вам на согласование.

– Это еще зачем? – насторожилась женщина. Потом подумала и пожала плечами. – Как вам угодно!

Лере было угодно не тратить время на переделку отчета, но иного выхода не имелось – время уходило, срок сдачи работы неумолимо приближался.

Она переложила сумку, впопыхах брошенную на соседний стул, на привычное место, на тумбочку, где сейчас в целлофановом пакете так и лежала пластиковая бутылочка с мартини, вчера Лера забыла ее выбросить. Поразмыслив, сходить ли к мусорным контейнерам прямо сейчас или подождать до обеда, девушка решила, что ничего страшного не произойдет, если емкость побудет тут еще несколько часов, и сунула пакет с бутылкой в сумку.

Оторвалась от компьютера Лера, только когда зазвонил телефон, и удивилась, что время уже приближается к обеду.

– Я иду, – коротко объявила Ира.

– В курилку или ко мне? – уточнила Лера. Иногда подружки встречались в курилке, но чаще в Лерином кабинете, где никто не мешал разговаривать.

– К тебе.

Ирина появилась почти мгновенно, и по одному ее виду было ясно, что несет она сногсшибательные новости.

– Некролог видела?

– Угу, – кивнула Лера. – Слушай, я утром с Аллой Борисовной разговаривала и поняла, что о смерти Тамары Станиславовны какие-то слухи ходят. Ты в курсе?

– А-а, ты уже знаешь, – расстроилась Ира, уселась в кресло напротив и принялась покачиваться. – А я хотела тебя удивить. Короче, умерла Тамара во сне. То есть, когда наши квартиру открыли, в постели находилась, как будто спала. А на столе лежала предсмертная записка. Ну, там текст, как обычно бывает: прошу никого не винить, и все такое. Вообще-то это большой секрет, руководство не хочет, чтобы по институту все кому не лень языками трепали, поэтому решено про самоубийство никому не говорить. Все-таки главный бухгалтер, не последний человек в институте. Я сама случайно услышала. К ней вчера Татьяна Анатольевна, ты ее знаешь, полная такая тетка, ездила, которая с Тамарой дружила. Так вот, Татьяна по секрету еще двум своим подружкам сегодня утром рассказывала, что на столе на самом видном месте лежала предсмертная записка. Но очень тихо говорила, я почти ничего разобрать не смогла.

– Алла не верит, что Тамара могла такое сделать. А она ее давным-давно знает.

– Я тоже не верю. Я скорее поверю, что главбуха убили.

– А записка?

– Подумаешь, записка! На принтере любой хоть сто записок напечатает. Чтобы Тамара себя убила? Да она сама кого хочешь убьет. Проглотит и не подавится. Такая вот стерва, хоть и грех о покойнице плохое говорить. Ты, наверное, не помнишь, у нас ее заместителем Ольга Антоновна работала. Бухгалтер была от бога, очень хороший, не в пример Тамаре. Так Тамара ее буквально затравила, Ольга и уволилась.

– Как затравила?

– Да придиралась все время, такую работу заставляла делать, какую любая дурочка сможет. Трудно объяснить, но ты, наверное, представляешь. И чтобы эта зараза на себя руки наложила? Ни за что не поверю!

– Ладно, бог с ней, пошли обедать, – вздохнула Лера.

До конца рабочего дня Лера успела сделать многое. Даже больше того, что запланировала. Оторвалась от компьютера, только когда позвонил Саша и доложил, что купил все продукты по списку. Лера всегда оставляла ему список необходимых покупок, когда Казанцев не работал в дневную смену.

– Уже ухожу, Саш. Компьютер выключу и бегу.

Тут она, сунув мобильный в сумку, наткнулась на так и не выброшенную бутылочку мартини. Все же решив, что ее необходимо наконец выбросить, Лера направилась не к выходу из института, а во внутренний дворик, к мусорному контейнеру.

– Что выбрасываем? – услышала она над ухом, копаясь в сумке, знакомый голос. И обрадовалась:

– Привет, Леня.

Леонид Дорышев, начальник химического участка, ей нравился. Лера ему, кажется, тоже. По работе они не сталкивались, просто курили вместе на пожарной лестнице, так и познакомились. И с Ирой Басмановой, кстати, она познакомилась там же, в курилке. Сначала люди курят молча, стараясь не встречаться глазами с незнакомыми коллегами, потом начинают кивать друг другу при встрече, а потом оказывается, что эти люди тебе близки и приятны.

– Так что в бутылочке-то? – улыбнулся Леонид.

– Мартини, – призналась Лера и засмеялась. Ей почему-то часто хотелось смеяться в его присутствии.

– Поделись, не выбрасывай, – жалобно попросил мужчина, но смотрел на Леру вполне серьезно.

– Нет, не поделюсь. Понимаешь, Леня... – Лера замаялась, и Дорышев «подсказал»:

– Ты собиралась кого-то отравить, а потом передумала?

Лера посмотрела в улыбающиеся глаза и неожиданно решилась:

– Леня, у меня загадочная история случилась. Мы позавчера с подругами на дачу ездили, и к нам щенок прибился. В общем, так получилось, что он попил мартини. И умер. Примерно через полчаса.

Тут она отвернулась, потому что про щенка говорить стало трудно, и тогда Леонид одной рукой повернул ее себе, заглянул в глаза и догадался:

– Ты хотела взять собачку себе?

Ну вот, вроде посторонний человек догадался, а Саша вчера, когда Лера попыталась рассказать ему про щенка, даже не слушал. Делал вид, что слушает, но не слушал, она точно знала. Потому что все про него знала. И так Саше ничего и не рассказала.

– Да, – кивнула Лера. – То есть не хотела, но... взяла бы.

Почему-то под взглядом Лени спрятавшиеся вчера утром слезы снова подступили к глазам, и она опять отвернулась.

– Не знаю, чем смогу тебе помочь, Лер, – задумался Дорышев. – Все-таки у нас совсем другая химия. Яды искать не мой профиль.

– Да и не надо ничего искать, – она пожалела, что вообще заговорила о позавчерашней поездке. – Скорее всего, шенок какой-нибудь дряни по дороге наелся.

– Нет, я все же попробую, – твердо решил Дорышев, перехватив руку Леры, – та уже замахнулась, чтобы бросить бутылку в высокий контейнер.

Покрутил бутылку в руках и неожиданно зло усмехнулся:

– Что-то много отравлений вокруг...

Таким Лера приятеля еще ни разу не видела, обычно Леня всем улыбался. Не в полный рот, как американцы, а легко, одними глазами.

– Ты... про Тамару Станиславовну?

Дорышев ничего не ответил, и тогда она догадалась:

– Ты ее знал, да?

Под этим «знал» имелось в виду, что женщина была знакома Леониду не только по работе. Лера думала, что Леонид промолчит, и устыдилась собственной бестактности: не ее дело, кого тот знает. Но он ответил:

– Да.

И опять Лера догадалась: Дорышев не только знал главного бухгалтера, их связывало что-то глубоко личное, и гибель голубоглазой Тамары мужчина переживает тяжело. Ей очень хотелось выяснить, что за темные слухи ходят вокруг Тамариной смерти, но она не решилась, конечно, что-либо еще спрашивать.

– Пока, Леня, – кивнула просто. И заранее поблагодарила: – Спасибо.

Леонид смотрел ей вслед и с трудом подавил желание догнать Леру. Он давно ни с кем не откровенничал, а с ней почему-то захотелось. Захотелось сказать ей, что у него никого нет на всем белом свете, что на свидания с родственниками он ездит на кладбище к трем ровным могилам, а со смертью Тамары остался совсем никому не нужным. Почему-то про женщин, периодически появлявшихся в его жизни, Дорышев в этот момент совсем не помнил.

Леня зло пнул попавшуюся под ноги сухую ветку, подышал глубоко, успокаиваясь и глядя на хмурищееся небо, и направился назад в институт. В лабораторию. Все-таки с довольно странной историей Леры следовало разобраться.

* * *

Глаза от компьютера устали, и Света аккуратно, чтобы не размазать тушь, двумя пальцами потерла веки. Нужно пройтись, решила она, просто погулять по улицам хотя бы полчасика. В конце концов, она же женщина, а не ломовая лошадь, чтобы тащить на себе все дела фирмы. Виктор давно ее деловые качества оценил, а больше ей ничего и не нужно.

«Выйду замуж и буду сидеть дома, как Лизка», – пообещала себе Светлана, понимая, что никогда так не поступит. Характер не тот, дома не выдержит. Ей нужно быть среди людей. Ей нужно, чтобы ею восхищались, а иногда даже чтобы побаивались! И чтобы она сама могла собой гордиться.

– Катя, – крикнула она, приоткрыв дверь, – я выйду на полчасика. Если Виктор Федорович спросит, скажи, что пошла прогуляться.

– Пошли вместе прогуляемся, – резко открывая дверь и едва не стукнув ее створкой Свету по лбу, предложил нечасто появляющийся в офисе директорский сын.

– Пошли, – засмеялась она. – Ты зачем приехал?

– С тобой поговорить, – усмехнулся Вячеслав.

На улице оказалось восхитительно хорошо. «Буду ходить гулять каждый день, даже в дождь», – пообещала себе Света. Покосилась на спутника и, как всегда, отметила, что тот – красивый парень и очень похож на отца.

– Так что у тебя за разговор?

– Я хочу, чтобы ты перевела Анастасию Горовец каким-нибудь маленьким начальничком на второе производство. В Бибирево, – помолчал, попросил Слава.

Фирма имела два производства: на Рижской, которое возглавлял Вячеслав, и в Бибирево.

– Каким начальничком? – уточнила Света.

– Ну-у... Не знаю, сама придумай. Пусть руководит хоть лаборантами, которые пробирки моют.

– Нет! – решительно отрезала она. – Ты спятил? Настя стерва и дура редкостная. Ей никем руководить нельзя.

Горовец пришла в фирму в прошлом году сразу после института. К тому времени Светлана потихонечку уже подмяла под себя руководство кадрами, считая, что кадры воистину решают все. Виктору Федоровичу самое интересное она оставила – идеи, разработки, а сама тащила рутину каждодневных мелочей. За кадрами Света наблюдала пристально, ненавязчиво собирала слухи и сплетни, точно знала, кто из работников на что способен, кого нужно повышать, а кого лучше совсем уволить. Все-таки она была отличным руководителем, куда лучшим, чем Кузьменко. Директор, как правило, верил всему, что ему говорили, решения принимал скоропалительные, а в людях не разбирался вовсе. Вот и пусть занимается наукой.

О Насте мнение было единодушное: дура и стерва. Сначала держалась скромненько, разговаривала тихо, а потом у девицы прорезался голос, она без конца торчала у начальства, передавала указания, что было для настоящих специалистов прямым оскорблением, и в целом вела себя по-хамски. Причина перемены была проста и всем понятна: начальник производства Вячеслав Викторович Кузьменко не остался равнодушным к прелестьям молодого инженера-технолога.

Сначала не остался равнодушным, а теперь, значит, хочет сплавить куда подальше. А чтобы не обиделась, сплавить с небольшим повышением.

– Откуда ты знаешь, что дура? Горовец работает под моим началом, и только мне судить о ее способностях. – Он хотел произнести это твердо, а получилось почему-то неубедительно.

– Нет, Слава, – устало отказала Светлана. – Виктор Федорович прикажет – тогда назначу. Но сделаю все, чтобы этого не случилось. Твоя Настя хитренькая стервочка, и назначить ее начальницей – любой! – значит поставить крест на работе подразделения. Она никогда не потерпит рядом никого умнее себя, а сама способна только на то, чтобы тебя в постель затащить.

– А что, слухи ходят? – помолчал, спросил Вячеслав.

– Конечно, – удивилась Света. – Как могут не ходить, если она же их и распространяет? Ты бы прекратил интрижки на работе. Лиза часто приезжает, вполне может что-то услышать. Тебе это надо?

– Ладно, – легко сдался Кузьменко-младший. – Тогда просто переведи Настю в Бибирево. В той же должности.

– Хорошо, – согласилась Светлана, – после праздников. Причину подыщу и напишу приказ. Как Даша?

– Даша? – не понял он. – А что с Дашей?

– Вроде она вчера приболела.

– Мне Лиза ничего не говорила. Правда, я вчера поздно пришел, Дашка спала уже.

Что и требовалось доказать. Ничем малышка не болела, просто Лиза хоть на вечер, но отняла у нее, у Светланы, Витю. Молодец, Лиза! Умница!

* * *

Сегодня Миле было стыдно, что она вчера подумала о Косте черт знает что. Вернее, даже не столько подумала, сколько весь вечер ловила себя на мысли, что ничего не знает о собственном муже. Ерунда это все! Она знает о нем главное – Костя честный, добрый и порядочный человек, и просто счастье, что он является ее мужем.

Все намеченные дела были сделаны, когда Мила решила просмотреть электронную почту. Писали ей редко, разве что Лера иногда присылала фотографии или забавную скачанную из Интернета информацию. Как правило, приходила только рассылка из различных интернет-магазинов, поэтому она и заглядывала в ящик раз в несколько дней.

Увидев непонятного адресата, обозначенного буквой «Х», Мила решила, что это спам, и сразу нажала на «Удалить». И только тогда замерла, когда появился текст письма: «Твой муж убийца». Хватит бреда, приказала она себе, решительно нажала «Стереть» и тут же пожалела, что не обратила внимания на дату получения послания. Хотя какая, собственно, разница? Она не позволит ни себе, ни какому-то идиоту заставить ее сомневаться в Косте. Только этого не хватало!

И из-за чего сомневаться? Из-за того, что Костя обманул ее, сказав, что не знает о смерти Тамары? Но мало ли почему муж мог так сказать. Просто хотел уйти от разговора, например. Не пожелал, чтобы жена выпытывала подробности.

Лере она позвонила только потому, что всегда и во всем любила ясность.

– Про Тамару известно что-нибудь? Отчего женщина умерла? – спросила Мила, точно зная, что к смерти своей давней приятельницы Костя никакого отношения иметь не может.

– Говорят, самоубийство, но Ира не верит, а она Тамару отлично знала. Несколько лет вместе работали, каждый день разговаривали. И другие не верят.

Подруга говорила что-то еще, но Мила почти не слышала слов, как будто разом утратив способность воспринимать человеческую речь.

«Прекрати! – велела себе Мила. – Это уже форменный психоз!»

Нужно было успокоиться. Мила, торопливо простившись с подругой, накинула ветровку на старенький домашний свитер и выскочила из квартиры.

И почти не удивилась, когда у самого подъезда перед ней, словно ниоткуда, появился позавчерашний полковник Роман Воронин. Или ее уже ничто не способно удивить так, как удивило письмо от адресата Х?

А Воронину срочно пришлось поехать на дальний объект: со вчерашнего дня там снова барахлила антенна. Ее уже который месяц не могли наладить. Поработает неделю-другую и дает сбой. Инженеры опять бьются над злосчастным железом. Сегодня к середине дня антенна заработала исправно, одно удовольствие наблюдать, но не было никаких гарантий, что она не начнет дурить завтра же. Или даже вечером.

Освободился Роман рано, еще вполне мог успеть доехать к себе на работу и просмотреть технические задания к двум новым проектам, но день стоял такой почти по-летнему теплый, зелень вдоль шоссе радовала глаз, и полковнику не захотелось возвращаться в свой недавно отремонтированный кабинет. Вообще-то такое случалось с ним редко. Работать Воронин любил, а не любил как раз выходные – потому что ему было абсолютно нечем себя занять. В выходные он, почти не вставая, валялся на диване, читал купленные в ближайшем книжном магазине детективы или фантастику и ждал понедельника.

Он помедлил на светофоре и, когда сзади раздались возмущенные гудки, свернул в сторону Сокольников. Ему было просто необходимо увидеть случайную знакомую, ту самую

Милу. Увидеть и понять, что эта чужая, пусть и роскошная, женщина совсем ему не нужна. И перестать о ней думать. Потому что думал Роман о ней непрерывно.

Вот и увидел. Подъехал к ее подъезду, покинул салон джипа – а тут и она вышла.

Сейчас Мила показалась ему другой, не такой, как позавчера. Сегодня смотрела напряженно и словно через силу, как будто все, что ее интересовало, спрятано в ней самой, а до всего остального мира ей не было никакого дела. Женщина чем-то напугана, понял Воронин и вновь поразился ее необычной красоте. Мила оказалась еще красивее, чем запомнилась ему.

– Что-то случилось? – тихо спросил полковник, слегка наклонившись к ней.

Она потрясла головой, то ли показывая, что ничего не случилось, то ли отказываясь говорить. Тогда Роман чуть тронул ее за рукав, потянул в сторону парка, боясь, что Мила убежит и ему ничего не останется, как поехать домой в пустую квартиру и нудно и скучно коротать оставшееся до новой рабочей недели время. Сейчас такая перспектива его всерьез испугала, Воронин уже забыл, что должен доказать себе: Мила ему совсем не нужна.

А та послушно зашагала к зеленеющей стене деревьев, и он облегченно выдохнул.

Заговорил, только когда миновали калитку, пошли по неширокой аллее.

– Что случилось, Мила? Вы чем-то расстроены?

Девушка опять покачала головой, и теперь он понял однозначно – случилось, но ей не хочется об этом говорить.

Волосы у нее были длинные, ниже плеч, и возникло нестерпимое желание дотронуться до них. Захотелось сказать ей, что ему никогда не встречалась женщина красивее и что он был бы счастлив, если бы Мила позволила ему разрешить ее проблемы. Не сказал, конечно.

– Я раньше тоже жил в этом районе. Не совсем здесь, но близко. Потом, когда переехал, долго не мог привыкнуть, что ни пива негде выпить, ни на лыжах покататься. Я тут, наверное, лет десять не был или больше, а ничего не изменилось. Только вот каштаны подросли.

– А сегодня зачем приехали? – спросила она, догадываясь, что сейчас услышит.

– Вас увидеть.

Мила прекрасно видела, что... что произвела на него впечатление. Еще тогда произвела, позавчера. И ей это было приятно. И тогда приятно, и сейчас.

То ли от чистого теплого воздуха, то ли от присутствия рядом сильного немногословного мужчины Мила как-то сразу пришла в себя, и все ее страхи показались не только надуманными, а даже не вполне нормальными. Ну как она могла допустить, что Костя может быть причастен к... убийству? Даже на минуту допустить? С ума сошла, не иначе.

– Увидели?

– Да.

Роман почувствовал, что спутница мгновенно изменилась, отбросив свои таинственные проблемы, стала легкой и веселой.

– Ну и как? – усмехнулась она.

– На комплимент напрашиваетесь? – без улыбки поинтересовался Воронин.

– Напрашиваюсь, – так же без улыбки призналась Мила. – Мне много лет никто не говорил комплиментов.

А ведь действительно, как давно никто не говорил ей, что она красавица, или что-то другое, глупое и приятное. То есть Костя не говорил, потому что больше говорить было некому.

– Я никогда не встречал женщины красивее.

– Вы преувеличиваете, но все равно спасибо. – Она быстро коснулась его руки и резко повернула назад, к выходу из парка.

– Подождите, – попросил Воронин. – Давайте еще погуляем? Я же вас не съем. И не укушу.

Мила задумалась ненадолго, улыбнулась и согласно кивнула:

– Давайте.

* * *

Нужно было заняться обедом, но Лиза не могла себя заставить. Она давно сидела, уставившись на кухонные полки, и понимала, что может потерять все.

Если Виктор Федорович женится, они со Славой денег не увидят. Муж этого не понимает – или не хочет понимать? – но она-то не слепая. Уж Светка постарается заграбастать все до копейки, тут к бабке ходить не надо.

Мысли были привычные, но от этого не менее печальные. Решение придется принимать кардинальное. И принимать именно ей. Делать этого очень не хотелось: страшно и опасно, но иного выхода, похоже, нет.

Она с трудом, как старуха, поднялась и медленно обошла комнаты. Свою квартиру Лиза не любила. В общем-то неплохая, почти в центре, в капитальном сталинском доме, и ничуть не хуже той, в которой жил свекор, куда она приходила когда-то к больной Дарье Степановне Кузьменко, будучи участковым врачом. И все-таки эта квартира была хуже, потому что постоянно напоминала, что мечта не сбылась. Лиза приходила к пациентке и мечтала жить в ее квартире, с ее мужем, не хотела никакой другой квартиры, никакого другого мужа. И, поставившись спрятать поглубже страх, Лиза привычно пообещала себе, что и Светка не получит ни Дарьиной квартиры, ни Дарьиного мужа. Она ей не позволит.

После первой встречи с Виктором Федоровичем Лиза долго не могла думать ни о чем и ни о ком, кроме высокого усталого молчаливого мужчины. Ей очень хотелось снова его встретить. Она готова была даже караулить его около подъезда, но понимала, что делать это ни в коем случае нельзя. Нельзя показать ему собственную заинтересованность, нельзя начать приходить к Дарье по вечерам, действовать нужно не спеша и осторожно. И Лиза, как раньше, навещала пациентку днем, раз в две недели.

Только через два месяца она решила зайти вечером. Лиза заранее наметила для себя день и с замиранием сердца ждала, когда тот наступит. Заметно волновалась, звоня в квартиру, и ругала себя за свое волнение.

Дверь ей открыл Вячеслав, мрачный, осунувшийся, почерневший, и Лиза еще до того, как он начал говорить, поняла: все ее планы рухнули.

– Матери больше нет, – глядя мимо доктора, буркнул сын Дарьи Степановны.

Что-то такое, видимо, отразилось на ее лице, потому что Слава помедлил, распахнул дверь и предложил:

– Заходи. Помянем.

Конечно, он решил, что молодой врачихе жалко его мать, и был благодарен ей за эту жалость. У него даже голос изменился, сделался через силу доброжелательным. И сам Слава мгновенно стал похожим на своего отца. Впрочем, парень и без того был похож на отца.

Потом, много позже, Лиза поняла, что совершила тогда непоправимую ошибку. Нельзя было размениваться на сына, нужно было добиваться отца, как и намечала. Но в тот момент ей показалось, что у нее уже не хватит сил на борьбу, и она шагнула в квартиру, о которой так долго мечтала.

Тот вечер Лиза помнила плохо. Навалилась усталость, накопленная за длинный рабочий день, да еще смерть Дарьи выбила из колеи, поэтому выпитая рюмка водки сразу оглушила ее. Слава испуганно и удивленно успокаивал, потому что докторша рыдала и все никак не могла остановиться. Она оценила заботу парня, видя, что тот сам нуждается в утешении.

То, что Лиза осталась до утра, получилось как-то само собой и было ее главной ошибкой. Непоправимой.

Через месяц она позвонила в квартиру Кузьменко по городскому телефону. Если бы ответил Виктор Федорович, то просто положила бы трубку и постаралась навсегда забыть о несбывшихся мечтаниях, но к телефону подошел Слава.

– У меня будет ребенок, – сообщила Лиза. – Я решила, что ты должен это знать.

– А... – опешил Кузьменко-младший, – а что ты собираешься делать?

– Еще не решила.

На самом деле, Лиза, конечно же, не сомневалась, что пойдет на аборт. Куда ей с ребенком?

– Если надумаешь оставить, – вдруг твердо сказал Вячеслав, – давай поженимся.

Этого Лиза никак не ожидала. Она еще могла предположить, что случайный любовник захочет провести генетическую экспертизу, но чтобы тот вот так сразу заговорил про женитьбу...

Не зная, что сказать, Лиза молчала, и тогда Слава тем же твердым голосом пообещал:

– Я постараюсь быть хорошим мужем. И отцом. Ты мне поверь.

Через месяц они поженились. Еще через несколько месяцев переехали в купленную Виктором Федоровичем квартиру, и для Лизы началась обеспеченная жизнь неработающей женщины, о которой она всегда мечтала – и которую сейчас ненавидела.

Впрочем, сейчас она не думала о том, что ненавидит собственную жизнь. Сейчас этой жизни угрожала реальная опасность.

Причем опасность была не только в возможной женитьбе свекра, но и в том, что у Славки появилась очередная любовница. Подружки у мужа появлялись и раньше. Лизу это, конечно, огорчало и расстраивало, но не заставляло сжиматься от страха. Последняя же девица, похоже, всерьез задумала увести Вячеслава из семьи, а это означало, что безбедной Лизиной жизни может прийти конец. Следовательно, надо спасти ее любой ценой.

Телефон зазвонил, когда Лиза гладила Дашкино «концертное» платье.

Прошлой осенью Лиза отдала Дашу в музыкальную школу. У девочки обнаружился потрясающий слух, малышка начала напевать мелодии чуть ли не раньше, чем говорить, и Лиза считала необходимым учить ребенка музыке. Славка только хмыкнул и рукой махнул – делай, как хочешь. Сам он считал, что детей нужно водить исключительно в спортивные секции, чтобы росли тренированными и выносливыми, а дома заставлять читать побольше. Все остальное для дошкольников лишнее. Проявится склонность к каким-то наукам – тогда и учить нужному. А заставлять детей чем-то заниматься из-под палки – пустое дело.

Несмотря на отличный музыкальный слух, играть бесконечные гаммы Даша не любила, капризничала, Лиза очень с ней намучилась за прошедший год. Однако сейчас, когда в музыкальной школе через несколько дней должен был состояться концерт, Даша уже видела себя настоящей артисткой. Кроха без конца примеряла приобретенное для выступления платье и за пианино садилась без хныканья и причитаний.

– Вячеслава Викторовича можно? – взяв трубку, услышала Лиза ленивый и наглый женский голос.

– Нельзя, – стараясь говорить спокойно, отрезала Лиза. – Что ему передать?

– Передайте... – слегка опешила и замялась новая и опасная Славкина пассия, – передайте, что звонила Настя.

Лиза, больше ни слова не говоря, положила трубку и поняла, что бесповоротно выбита из привычной настроенности на тихие домашние дела.

Конечно, Вячеслав в любви ей не объяснялся и хранить верность не обещал, но его бесконечные девицы все-таки делали Лизу несчастной.

После женитьбы и переезда в эту квартиру Лиза жила с мужем не то как с добрым соседом, не то как с братом. Она готовила ему еду, поддерживала в доме порядок, а он вежливо благодарил, ходил с ней гулять, рассказывал об успехах и трудностях на работе и со страхом

и надеждой ждал предстоящих родов. Наверное, со стороны они казались обычной молодой парой, но обычной парой они не были: по вечерам вежливо желали друг другу спокойной ночи и расходились каждый в свою комнату. Видимо, исполнение супружеского долга Слава в понятие «быть хорошим мужем» не вкладывал.

Впервые они очутились в одной постели, когда Степке исполнилось восемь месяцев. Их сын тогда впервые в своей жизни заболел, и заболел тяжело, с температурой под сорок, с поносом и рвотой. Лиза со Славой сначала ждали неотложку, потом, сидя рядом возле детской кровати, со страхом ждали, когда у малыша спадет температура. А потом Лиза заметила, что сидят они со Славой в обнимку, и поняла, что сидеть так им обоим хорошо. Позже пили на кухне чай и смеялись, сейчас уже не вспомнить, над чем. Наверное, просто потому, что прошел жуткий страх за своего ребенка и можно было жить дальше, можно смеяться, говорить друг другу разную ерунду. Уже стоя в коридоре, снова обнялись, и вдруг Лиза почувствовала, что муж обнимает ее требовательно, совсем не так, как недавно в Степкиной комнате. Обрадовавшись этому, сама тоже потянулась к нему.

Потом они долго лежали под теплым одеялом, по очереди бегали смотреть на спящего Степу. А когда Слава, поцеловав ее напоследок, задвигался, явно собираясь уйти к себе, Лиза тихонько попросила:

– Не уходи. Пожалуйста.

Муж удивленно посмотрел на нее, и она еле сдержалась, чтобы не усмехнуться. Он что же, думал, ее устраивает такая жизнь? Считал, что его жена святая или, наоборот, чокнутая, всегда будет довольствоваться ролью бесполой подруги? Нет, Славочка, ей нужна нормальная, полноценная супружеская жизнь, в которой присутствует секс и, главное, привязанность друг к другу, единственное, что может гарантировать прочность брака. А для полной привязанности все-таки нужно спать в одной постели, а не в разных комнатах.

Тогда Слава, повернувшись на бок, впервые погладил ее по голове и поцеловал в волосы (позже этот жест стал заменять им пожелание доброй ночи).

Следующим вечером Лиза, меняя постельное белье, «случайно» забыла постелить мужу чистое, оно так и осталось лежать на его кровати аккуратной стопкой. А она, лежа у себя, с замиранием сердца ждала, делая вид, будто читает, его появления. Мог ведь и не появиться, и тогда ей придется придумывать что-то другое... Слава пришел ночевать к ней, в их теперь уже общую постель.

Через месяц Лиза заменила кровать в его комнате большим красивым диваном, и у Вячеслава появился кабинет, который должен иметься, по мнению Лизы, у каждого мужчины.

Все она тогда сделала правильно, как нужно, только уверенности в собственном будущем это ей не прибавило. У Вячеслава все равно постоянно были девицы на стороне...

Лиза попыталась снова приняться за глажку, но не смогла. Со злостью выдернула шнур утюга из розетки, схватила ключи от машины и, накинув ветровку поверх домашней одежды, бросилась вон из дома.

* * *

Константин Олегович опять приехал домой раньше обычного, в самом начале седьмого. Ему было стыдно признаться себе, что ему почти не жаль Тамару. То есть жаль, конечно, что женщина умерла, ей бы еще жить да жить, но он наконец-то почувствовал себя свободным человеком. Только теперь, после Тамариной смерти, можно наконец забыть о том страшном, что когда-то с ними случилось. Нет, совсем забыть вряд ли удастся, да и ни в коем случае нельзя, но все равно он чувствовал свободу и легкость, которых не ощущал много лет.

– Мила! – закричал Константин, отпирая дверь квартиры. – Милочка!

Мужчина ждал, что жена выбежит к нему, но та вышла не спеша, шаркая шлепанцами. И почему-то то, что супруга уютно шаркала шлепанцами, показалось ему ужасно милым и домашним, и Костя, даже не раздевшись, обнял ее, зарылся лицом в волосы, не сразу заметив, что сегодня Мила не такая, как всегда, словно и не рада ему.

«Я ее обидел, – понял он. – Ну да, ведь почти не разговаривал с ней два дня, вот Мила и обиделась».

Константин старался не обижать жену. И всегда переживал, когда не обижать не получалось. Он вообще почти постоянно чувствовал себя виноватым перед ней, потому что не любил ее. И только иногда, как накануне, когда слишком уставал или о чем-то напряженно думал, забывал об этой своей вине, тогда и проступало его истинное отношение к супруге – полное безразличие.

– Ты прости меня, – попросил он, – устал я что-то в последнее время.

– Не надо извиняться, Костя, – серьезно ответила Мила, – я все понимаю. И если на тебя обижусь, то обязательно тебе скажу.

– Да, – охотно согласился муж, – ты уж скажи, сделай милость. Не хватало нам еще из-за ерунды дуться.

Он снова притянул ее к себе и неожиданно подумал, что абсолютно счастлив. Мила сейчас очень ему нужна. Не просто нужна – необходима.

* * *

В конце дня приехали технологи с производства в Бибиреве, и почти сразу позвонил Виктор Федорович, попросил зайти.

Света совещаний не любила, у нее от непрерывной говорильни начинала болеть голова. К тому же, когда шло обсуждение технологических вопросов, мало что понимала и поэтому откровенно скучала. Кузьменко старался на совещания ее не приглашать, а уж если звал, сие означало, что участие Светланы необходимо.

Так и оказалось сейчас. Разработка новой серии шампуней была почти готова, следовало подключать художников, делать рекламу – самые Светины вопросы.

Из кабинета директора она вышла только через три часа совершенно одуревшая. Как ни странно, Катя все еще сидела в приемной, хотя обычно уходила не позже шести.

– Ты что, Катя? – удивилась Света. – Почему домой не идешь?

– Ой, Светлана Леонидовна, тут такое дело, – виновато заговорила девушка. – Приходила Елизавета Дмитриевна. Я не стала к Виктору Федоровичу соваться, сказала, что совещание, просили не беспокоить.

– Ну и правильно.

– Она подождала, подождала... и зашла к вам в кабинет.

– Что?! – ахнула Света. – Какого черта?

– Сказала, что ей нужно позвонить, – состроила гримаску Катя. – Я же не могла ее не пустить.

– Вот стерва! – не сдержалась Светлана. – Приходит как к себе домой! Позвонить ей, видите ли, нужно... Отсюда бы и звонила. Или по мобильному.

Катя Лизку ненавидела почти так же сильно, как и Света. Рядом с Виктором Федоровичем жена Вячеслава всегда была тихой, задумчивой, немного несчастной, а с секретаршами – настоящей барыней. Входила в приемную, словно не видя сидевшую за столом девушку. Потом с удивлением замечала, приветствовала легким кивком и тут же как будто о секретаре забывала. Лениво сбрасывала шубку, да так, что Катя едва успевала подхватить, и только тогда совсем тихо, почти шепотом спрашивала:

– Виктор Федорович у себя?

А смотрела при этом куда угодно, только не на девушку, державшую ее шубу в руках.

В свое время Света, будучи еще секретарем, доху подхватила только один раз, во второй даже не пошевелилась, сидела и смотрела, как светлая норка летит на пол. Впрочем, пол был чистым, манто ничего не сделалось. И поднимать шубку не стала. Жаль, что немая сцена продолжалась недолго: вышел Кузьменко и буркнул:

– Что вы одежду по полу валяете?

Затем поднял невесомый мех, повесил на плечики в шкаф и пропустил Лизу вперед, в кабинет.

Тогда Света и заполучила врага в лице невестки директора. Впрочем, нет, настоящим ее врагом Лиза стала, когда Вячеслав с женой и детьми зашел поздравить Кузьменко-старшего с днем рождения, а в квартире обнаружилась Светлана. Она до сих пор улыбалась, вспоминая вытянутую Лизкину физиономию...

– Кать, я тебе запасные ключи оставлю, – решила сейчас Света. – В следующий раз ты мой кабинет запирай, если я надолго выйду.

Вообще-то запирать кабинеты в фирме не было принято. Чужие здесь редко бывали, а своим доверяли.

– Иди домой, поздно уже, – отпустила она девушку.

В кабинете все было на своих местах, даже телефон не сдвинут, так и стоял на краю стола. Света покачалась в кресле, стараясь унять бешенство. Мда... только Лиза могла себе позволить впереться в чужую комнату как в собственную кухню. Как будто Светлана не заместитель директора фирмы, а домработница, у которой в хозяйском доме ничего своего нет и быть не может.

Пытаясь успокоиться, она решила просмотреть напоследок электронную почту и не сразу поняла, что почтовая программа открыта на папке «исходящие». Лиза не только без разрешения влезла к ней в кабинет, она еще зачем-то залезла в ее почту. Сегодня Света в «исходящие» не входила и писем не отправляла.

Ненависть накрыла ее такой тяжелой волной, что руки впились в подлокотники кресла до боли в пальцах. Стой! Надо успокоиться. Нужно спокойно подумать, что делать. Лиза хитра, но и Света не последняя дурочка.

Понедельник, 26 апреля

Только глубокой ночью, неожиданно проснувшись, Светлана поняла, что в пятницу Лиза вполне могла отправить кому-то письмо с ее адреса. Да, вполне могла. Даже скорее всего – отправила. Только зачем?

Она лежала без сна, смотрела в потолок и не понимала.

Выходные прошли бестолково.

В пятницу Виктор, как обычно перед выходными, спросил, целуя ее в пустом офисе:

– Ко мне поедem или к тебе?

Было уже почти восемь часов, все сотрудники фирмы, кроме них двоих, давно разошлись по своим пятничным домашним делам, в офисе было непривычно тихо и по-домашнему уютно.

– Ко мне, – решила тогда Света. И до сих пор жалела об этом своем решении.

Она ждала, что Виктор спросит, почему не к нему, и тогда ей как бы пришлось ответить: мол, у него дома ей хочется чувствовать себя хозяйкой, а не приходящей любовницей. Ну, не впрямую, конечно, так сказать, а намекнуть.

Кузьменко не спросил, и они поехали к ней. И уже утром Виктор уехал, потому что ему решительно нечего было делать в ее квартире. В смысле, днем делать, не ночью. Просто так смотреть на Светлану потребности у него нет, потому что он и так видит ее с утра до вечера всю рабочую неделю, дамские романы из ее библиотеки мужчина читать не станет, а больше ему заняться в непривычной обстановке нечем. Дома же его ждал привычный компьютер, привычное кресло, разбросанные по столу бумаги.

Конечно, он уехал, и Света его понимала. И, оставшись одна, уныло слонялась по маленькой однокомнатной квартирке, с удивлением вспоминая, что еще недавно до смерти радовалась собственному жилью, которое завещала ей неожиданно умершая еще совсем не старая тетя. Переехав сюда, Света почти год непрерывно что-то здесь меняла, покупала мебель и безделушки и в конце концов стала считать свое жилище уютным и достойным. И до тех пор так считала, пока не побывала в квартире Виктора Федоровича.

Разница была ошеломляющей. Впечатление производила и сама квартира – огромная, в старом кирпичном доме с широкими лестницами и высоченными потолками, а больше всего старая мебель в отличном состоянии, картины на стенах и множество книг в тяжелых переплетах, старинных, явно купленных не в последние годы. Света поняла, что все в этих апартаментах было продумано и расставлено умершей женой хозяина, вряд ли сам Виктор много думал о своем жилище. И почти наверняка вдовец ничего здесь после смерти супруги не менял. Его мысли были только о работе, ну и, в последнее время, о ней, о Светлане, это она к моменту визита сюда знала точно.

«Не буду ничего здесь менять, – подумалось ей тогда. – Так, переставлю кое-что, чтобы чувствовать себя хозяйкой, а в целом все оставляю как есть». Потом она ругала себя за эти мысли, мол, поторопилась чувствовать себя хозяйкой, сглазила. Тогда она была уверена, что шеф сделает ей предложение не сегодня завтра. А его не было до сих пор.

Из-за Лизки.

Мысли опять метнулись к непонятному интересу невестки Кузьменко к ее, Светланينو, компьютеру. Целый рой мыслей, мельтешение которых никак не удавалось остановить. Никак нельзя идти на работу в таком состоянии. Потому что она просто не сможет заниматься делами, не выяснив, какого черта Лизе понадобилось в ее кабинете и в ее компьютере. Хорошо, что до праздников осталось всего ничего, нормальные люди уже давно мысленно отдыхают на природе и не стремятся затевать какие-то новые дела. Значит, новых не будет, а все текущие у нее в полном порядке.

Правда, как она будет выяснять, что у Лизы на уме, Света не знала, но ее, словно магнитом, тянуло к невестке Виктора. Можно было заехать на работу и посмотреть в личном деле Славкин адрес, но тогда придется сделать приличный крюк по утренним пробкам. Нет, лучше подождать Лизу у детского сада. Недавно они с Витей проезжали мимо одного, с небольшой игровой площадкой, и Кузьменко сказал, что сюда ходят его внуки. Они еще остановились невдалеке и зачем-то долго смотрели через забор, хотя была суббота и садик был закрыт. Конечно, ей удастся найти это место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.